

БЕССИЛЬНЫЙ ЧЕМПИОН

ТОМ 3

16+

Григорий Володин

Григорий Володин
БЕССильный чемпион. Том 3
Серия «Гроза ада», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67461195

SelfPub; 2022

Аннотация

Ты спас вымирающее человечество. Перебил полчища демонов, одолел их Генералов, сбросил в лаву главгада, а затем оказался в другом мире, ослабленный, без доступа к местной силе. Все вокруг по привычке называют тебя Бесенком и с насмешкой кличут чемпионом. Так почему бы им не стать? Чемпионом по прозвищу Бес.

Содержание

Глава 1 – За свой гарем надо стоять стеной	4
Глава 2 – Расстаться можно и любя... жарко любя	18
Глава 3 – Мой Вавилон, и я его строю	33
Глава 4 – Сосиска в тесте	47
Глава 5 – Станный мир со странными демонами	61
Глава 6 – На каждый танк найдется свой фугас	76
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Григорий Володин

БЕССильный

чемпион. Том 3

Глава 1 – За свой гарем надо стоять стеной

Потренироваться сегодня мне не судьба.

Вернувшись в лицей, сразу направился в сторону клубов. У живой изгороди, за которой раскрывается клубный квартал, стоят Алла с Кали. При виде меня княжна расцветает улыбкой, зато вторая девушка хмурится. На ее плече висит спортивная сумка. Мимо к цветочной арке снуют толпы учеников. Что-то слишком много народу – столько собирается только на соревнования либо еще когда ученики поединки устраивают. Парни нагло поглядывают на мою Кали.

– Чего вылупились? – рычу я, и дворяныши спешно отводят взгляды.

Оборачиваюсь к своим ненаглядным.

– Ну, признавайся чего натворила? – говорю уже более мягче.

– Э-э, ну-у, – поджигает Кали губы. – У меня сегодня по-
единок, поздравь.

Вот так новость!

– В первый же день? Быстро же ты.

– А я что? – пожимает она плечами. – Швабру этой ведьме
только дала – села бы на нее и летела себе, иго-го, до свидан-
ия! Они сами нагнали!

– Они?

– Ну да, подружки ее тоже вызвали меня, – краем глаза
Кали смотрит на меня. – И старшая сестра.

– Сколько всего?

– Четверо, – бубнит девушка, явно расстроенная.

– Ну ты и Д'Артаньян! – офигеваю.

– Себя вспомни, Бес – подкалывает Алла. – Тоже в первый
день нагнал, да и вообще с пяте...

Прикрываю ладонью коралловые губы княжны.

– Не порть момент воспитания.

Алла целует мою руку и кивает. К нам с разных сторон
подходят Вика и Белоснежка.

– Тоже на представление идешь, дорогой? – усмехается
мне последняя.

Мое лицо искажает такая яростная гримаса, что лыба Бо-
родовой вмиг пропадает.

– Представление? У моей девушки проблема, а ты сме-
ешься над ней?!

– Но я... я ведь тоже как бы твоя, – пищит. Холодная маска

надменности разлетается вдребезги.

– Продолжай в том же духе – и будешь свободна, как птица.

Белоснежка вся кукожится, теряя клеопаторскую осанку. Наступает тишина. Только зеленая листва на изгороди шелестит, не умолкая. Вика неожиданно поднимает одну руку.

– Ладно, – ладонь второй упирается в крутой бок красавицы. – Разделим противников...

– Щас! – перерывает Кали. – Мои стервы, все мои.

Лицо Вики покрывается розовыми пятнами.

– Я единственная из всех вас хожу в клуб по турнирному саммо, – заявляет красотка. – Мне сделать дрянных подружек Бородовой ничего не стоит.

Воздух напрягается, вибрирует, напряженный, словно перед бурей. Алла с Кали удивленно смотрят на Белоснежку, а же успеваю заметить, как Вика сдерживает улыбку. Заигрались девки, ох, заигрались, отодрать что ли их всех ремнем?

– Подружек Бородовой, – задумчиво повторяет Алла. – А ведь и, правда, – Серафима же из твоей свиты, Светлана.

– Ты на что намекаешь, болгарка? – у Светы дергается верхняя губа. Княжна боязно поглядывает в мою сторону. – У меня нет свиты, мы просто обедаем вместе.

– Конечно, – ухмыляется Вика. – И как так совпало, что именно на обеденной перемене твои подружки прицепились к ней? – она неопределенно махает в сторону Кали, не называя имени. – После вашей трапезы, госпожа?

Тем временем у изгороди кучкуется, развесив уши, моя команда.

– Похоже, сегодня выходной, – Кирилл навеселе.

– Ага, капитану сегодня строить не нас, а своих девушек, – кивает Димон.

– Прекращайте болтать, – это уже я устало вздыхаю. – Кали, пошли. Секундировать тебе буду сам. Кто-нибудь сможет купить воды в бутылках?

– Сделаем, – кивает Стас. – Парни, есть монетка?

Жребий идти к автоматам выпадает Олегу, остальные двигаются вместе с девушками за мной к клубу саммо.

В клубе турнирного саммо народу немерено. Едва мы входим в зал с рингами, ученики удивленно вздыхают:

– А почему Бес с ней?

– Они что, в отношениях?

– Теперь понятно, как простолюдинки к нам поступили...

– И чего тебе понятно? Бес – ученик, как и все.

– Как все, говоришь. Взгляни на его прайд – там Бородова...

– О!

У четырех барышень в белых майках и синих шортах вытянулись лица. Будущие противники Кали. На Белоснежку бросает удивленный взгляд сероглазая полногрудая ученица с вырезом майки едва ли не до пупка. Княжна не обращает внимания, но скулы чуть розовеют. Точно подстава.

Вдвоем с Кали уходим в раздевалку. Девушка переодева-

ется в красный топ и коричневые шорты. Выглядит изумительно.

– Чего так странно смотришь? – румянится она от моего взгляда.

– Да так, – ухмыляюсь. – Сопереживаю тем красоткам, которых ты порвешь.

В ее прищуренных карих глазах сверкает жесткий, безжалостный ум.

– Если на самом деле сопереживал бы – не называл бы при мне красотками.

– Подловила, – притягиваю ее за локоть к себе. – Хотел тебя подзадорить. Злость подпитывает бойца, как дрова огонь.

– Но теперь им крышка, – оскаливается девушка. – Твоя взяла.

Разворачиваю ее спиной. Когда мои кисти сжимают ее голый мускулистый живот, колени Кали становятся мягкими. Она пошатывается, как будто ее голова закружилась. Девушка в моих руках становится послушной и податливой как марионетка.

Согнув в талии, кладу Кали животом на скамейку у стены.

– Что... что ты собираешься делать? – испуганный шепот наполняет маленькую комнату.

Задираю топик и глубоко поглаживаю твердую спину вдоль позвоночника.

– Как что? – дружески хмурюсь. – Тонизирующий массаж. А ты другое подумала?

– А!... – отзывается Кали. – Нет, его.

Мы оба смеемся.

А затем мои пальцы вжимаются в нее с силой, и она издает протяжное:

– У-у-у-у-у-у....

Через пятнадцать минут выходим в спортзал. В октагоне ждет рефери, его роль исполняет третьекурсник.

Возле клетки нас ждут моя команда, мои девушки и подруги Кали. Мне кивает розовлосая Кира, потупив взгляд. Стас молодцом – достал где-то табуретку и полотенца. Олег сбегал за водой. В противоположном углу октагона уже стоит соперница – сероглазая Серафима. Судя по нахмуренному лицу, драться девахе не очень хочется. В чем дело? Белоснежка зажала для подруги информацию, что Кали моя девушка? Скверно пахнет. Междоусобиц мне не хватало еще между моими девушками.

Кали входит в клетку.

– Барышни, капю наденьте, – предупреждает рефери. – Дежурная целительница устала уже восстанавливать выбитые зубы.

– Я не барышня, – бурчит моя протеже, запихивая в рот полоску из пластика.

За сеткой моя команда вовсю изучает соперницу Кали. В частности ее крупную грудь – глубокий вырез майки этому способствует.

– А она офигенная! – выдает зеленоволосый Кирилл.

– Она враг девушки нашего капитана, – взбрыкивает верная Евдокия. – Значит, и наш тоже.

– Эх, Евдокия, я и не против. Как раз я сейчас на том этапе жизненного пути, когда любая девушка это враг, которого я жажду повергнуть.

– Повергнуть в постельной битве, – кивает солидарный Олег.

Меня окликает Вика:

– Бес, ей не сделать всех четверых, – указывает красноволосая на Кали. – Нужно будет выставить ей замену, если не хочешь чтобы она считалась проигравшей. Я могу выступать как девушка ее же парня.

– Не только ты, – замечаю я. – Есть еще желающие?

Мой сощуренный взгляд Белоснежка правильно истолковывает.

– Есть, – недовольно говорит. – Могу быть запасной.

– И будешь. Иди переодевайся.

Вика смотрит вслед удаляющейся Белоснежке.

– Почему она?!

– Потому что нужно помогать друзьям исправлять их ошибки. Не согласна?

– Хм... – барышня лишь супится.

Рефери командует:

– Бойцы в центр.

Кали и сисястая встают друг против друга.

– Бой длится до потери сознания либо пока один из участ-

ников не сдастся. Дальше выходит следующий противник. Правила понятны всем? Брюнова? Менская?

– Да.

– Понятны.

– По углам разошлись, – рефери дожидается, пока девушки встанут у сетки. – В бой!

Кали срывается, как Гончая, кулаки словно молоты летят в мордашку Серафиме. Сисястая даже не успевает закрыться, спасает только доспех. Но и он не вечен. Это понимает и Серафима, поэтому отступает, но тем самым дает Кали место для размаха. Оля разворачивается на носках и выстреливает ногой сисястой в лицо. Доспех пробивается, Серафима падает. Опустившаяся ступня Кали вминает ее буфера в ребра, и девка орет:

– А-У-У-А-А-СДА-А-АУСЬ.

Кали отталкивают к сетке, санитары уносят охающую сисястую с пробитой грудиной.

Я вбегаю с табуреткой в клетку. Кали падает на нее, набирает воду из протянутой бутылки, полощет и сплевывает в ведро. Обрызгиваю шею девушки водой, остужая.

– Больше никаких финтов с ногами, – наставляю. – Слишком тебя выматывают. Максимум лоу-кики, но без хай-киков, поняла?

– Да, – кивает послушно.

Говорю тише:

– У твоей следующей противницы слабая растяжка – так

что и она тебя тоже ногой в лицо не приложит. Отдохни, используй руки.

– Да.

– Бойцы в центр! – снова кричит рефери.

Кали встает, я убираюсь с табуреткой и прочим.

– Бой! – машет рукой рефери.

Одновременный рывок соперниц навстречу друг другу. Худошавая блондинка ускользает от хуков Кали, даже умудряется зацепить ее по корпусу. Чем злит мою девушку. Разворачиваясь в очередном броске она разит противницу локтем в висок. Доспех гаснет, оглушительно хрустит кость, кровь бежит по волосам цвета пшеницы. Худое тело падает мешком, настил заливают кровью. Санитары уже внутри, за ними в очереди ждет и уборщица со шваброй наготове.

Подставляю табуретку. Кали присаживается, руки дрожат, в правом глазу лопнули капилляры, окрасив белок красным – девушка устала от бешеного ритма и напряжения.

– Света, выходи, – решаю я.

– Что? – Кали вздергивает подбородок. – Почему она? Я еще могу драться!

– Так надо, – глажу ее по мокрым волосам. – Ты доказала, что сильная. Теперь доверься мне.

Со вздохом, не смея перечить, Кали выходит. В клетку вступает Белоснежка – белые волосы схвачены в конский хвост, точеная фигура завернута в черные топ и шорты.

– Пожелай мне удачи, – требует она.

– Удачи, Светлячок, – усмехаюсь я, прежде чем покинуть клетку.

Белоснежка отбрасывает пепельный хвост за спину и шагает в центр.

– Ваше Сиятельство? – в шоке мелит соперница. – Но вы же сами велели Серафиме поставить на место простолюдинку!

– Велела, – равнодушно кивает княжна. – А теперь я поставлю на место вас.

– Но...я не понимаю...

– Тут нечего понимать. Так мне приказал мой парень – ничего личного.

– Бой! – звонко как гонг кричит рефери.

Белоснежка срывается вперед. Жёлтые глаза сверкают, шикарное тело размазывается в воздухе. Как и стремительные удары. Не успевая защититься, соперница принимает их все.

– Кхи! – пропускает барышня последний удар в щеку. Доспех тает как утренняя дымка, обессиленную девушку отбрасывает к сетке.

Даже не глядя на поверженную, Белоснежка поправляет задравшиеся шортики. Оглядывается назад, замечает, что я смотрю на нее, и гордо улыбается. Затем только, будто что-то вспомнив, бросает уже уносимой санитарями сверстнице.

– Увидимся завтра на обеде, Лена.

– Я...Лера, Ваше С-сия...

Слабый голос удаляется вместе с носилками и затихает.

Вернувшись в свой угол, Белоснежка уже не так легко справляется с адреналином и усталостью. Плюхается на подставленную мной табуретку, с трудом держит царскую осанку, градины пота заливают колдовские глаза.

– Мне понравилось, – устало улыбается мне Белоснежка. – Хочу еще побить кого-нибудь ради тебя.

Хм, вообще-то я ждал другой реакции. Что она пожалеет о своей травле барышень на Кали.

– Разве они не твои подруги?

– У меня нет подруг, – Белоснежка трется красной щекой о мою руку с бутылкой воды. – Разреши еще раз сразиться.

Но в клетку на это раз выходит парень. Жива у него хорошо прокачана. Кмет. Судя по натренированным «колодцам» в районе живота и паха – манипулирует огнем или взрывами. За сеткой скрестила руки сероглазая высокая девушка, копия первой сисястой. Видимо, сестра. Сама решила не драться, отправила своего парня. Тот не очень и рад – смотрит на меня с опаской. Но деваться некуда – дворяне не отказывают своим женщинам в таких делах. Иначе засмеют.

– Судья! – кричу. – От Менской следующим выходит Бесонов, ее парень.

Тот лишь машет рукой, типа пофиг. Согласен, устроили тут Санта-Барбару. Уже в моменте не разобрать, кто за кого тут по праву дерется, а кто просто на огонек заглянул.

Снимаю пиджак и отдаю его Белоснежке. Закатывая ру-

кава рубашки, встаю в центре клетки.

– Скажи спасибо бабе своей, – говорю бледному Кмету.

– За что? – блеет он.

– За то, что тебе писец, – не сдерживаю широкий оскал.

Парню не поздоровится. Гляньте на него – бугарь-Кмет вышел против девчонок-первокурсниц. Девушку свою послушал, ну-ну, а если она скажет избить младенца? Хотел бы ей помочь – уговорил бы не вступать в ненужную драку. Нет, таких подкаблучников надо перевоспитывать, не щадя лещей.

Посмотрев на мое лицо, он вздрагивает .

– В бой! – команда рефери звучит как приговор парню.

Не торопясь, принимаю боксерскую стойку. На меня летят огненные файерболы – даже не чешусь. Бессильное пламя стекает с Огнеупора, красные языки лижут настил, и в окружении пожара я медленно подшагиваю к Кмету. Не быю, специально медлю – чтобы растянуть удовольствие.

– Мне писец, – понуро блеет парень. Не совсем тупой, значит. Дошло наконец.

– Впредь десять раз подумай, прежде чем по глупости вступать за свою тупую девку.

Моя ступня с хлопком пробивает ему живот, и он отлетает, промяв телом сетку. Подхожу и луплю с размаху костяшками по мордасу. Доспех тухнет. Сильно не мучаю – незачем, парниша все понял. Лишь на прощание щелчком ломаю нос, да сжимаю ключицу до фарфорового хруста. На том и

оставляю. Парень остается сидеть с выпученными глазами.

– Эй, Бесонов, – окликает меня рефери. – Ты куда? Он не сдался.

– Он просто не может, – ухмыляюсь. – Внимательней посмотрите – парень в шоковом состоянии.

Рефери быстрым шагом приближается к Кмету, машет рукой перед его остекленевшими глазами.

– Черт! Санитары! Что же его так пробрало?!

Вопрос риторический, но я отвечаю:

– Радость.

– Радость? – рефери отворачивается от санитаров. – Ты ему ключицу в порошок раздавил!

– Ага, радость, что так легко отделался.

На этом покидаю клетку. Не сдержав эмоций, Кали бросается мне на шею. Алла в сторонке счастливо сверкает черными глазками, единственная из девушек не проявляя ревности. Вика недовольно скрещивает руки на груди. Злобно глядя на мои объятия с Кали, Белоснежка кашляет в кулачок.

– Долго ты возился с тем слабаком, – фыркает наиграно.

– Зато ты мгновенно расправилась со своей соперницей, – подмигиваю. – Правда ведь, Кали, что Света крутая?

– Ага, молодец она, – мурчит девушка довольной мордашкой зарываясь мне в шею.

На лице у Белоснежки вспыхивает румянец смущения. Стараясь держать взгляд как ни в чём не бывало, княжна вдруг не выдерживает:

– Так нечестно! – и кидается на меня сбоку. Мягкие груди сплюсциваются о мои ребра.

– Идите и вы сюда, – поверх белой головки кидаю Алле с Викой.

Черноволосую княжну дважды просить не требовалось. Бочком она протискивается между девушками и целует участок моей шеи, что ей достается.

– Нет, – отчетливо говорит Вика, разрушая момент единения.

Скинув красную копну волос за плечо, моя девушка разворачивается и стремительно шагает из зала. Смотрю ей вслед и невольно вспоминаю чью-то фразу: "Трудно содержать гарем. Одних прокладок сколько надо."

Глава 2 – Расстаться можно и любя...жарко любя

На следующий день я наконец попадаю на тренировку.

– Построение! – зычно гаркает тренер Аделина на весь клуб.

За полминуты команды встают в шеренгу. В зале повисает тишина. Татарке отлично подошла роль инструктора дворян. Вертит ими как хочет, не взирая на титулы и гонор.

Для приличия конечно, я тоже строюсь со всеми. Любуюсь Алмакаевой – полные груди плотно облегает черный спортивный костюм, темные волосы свисают на смуглый лоб. Узкая талия и крутые бёдра. Даже удивительно, что такая шоколадка еще не замужем.

Команды Кали и Белоснежки, естественно, тоже тут. Пепельноволосая княжна бросает раздраженный взгляд на простолоудинку, та незаметно от тренера показывает ей палец. Потом Кали замечает мой недобрый взгляд и судорожно прячет руку за спину. Делаю в памяти зарубку: ремня – хорошо ремня каждой по заднице.

– Сегодня Артём поделится с нами своими начальными медитациями, – встает перед учениками Аделина. – Будьте вежливы, и позвольте вашему товарищу показать себя. На-

чинай, Артем.

Выхожу к тренеру.

– Рассаживаемся на твердой поверхности, – командую. – «Поза портного».

Когда все располагаются в стороне от татами, скрестив ноги и выпрямив спину, поворачиваюсь к татарке:

– И вы, сударыня, – мягко произношу.

Тренер сверлит меня буйным взглядом, но послушно плюется вместе с учениками. Скрещивает длинные ноги.

Сам я усаживаюсь лицом к ученикам. Начинаю с вводного инструктажа.

– Моя техника медитации построена на основе цигун...

– Китайщина, – фыркает одна из амазонок Белоснежки. Кажется, эту рыженькую я подстрелил, когда наши команды соревновались.

Но не факт, что девчонка саботирует именно из-за меня. Сейчас в российском обществе процветают антикитайские настроения. Погранвойска постоянно устраиваю мелкие стычки, да еще эта Корея, негласный вассал Пекина, на которого облизывается Москва. Проясню ситуацию.

– И что плохого в китайщине? – поднимаю бровь.

– Как что?! Узкоглазые – наши враги, – рыжая задирает маленький носик, янтарные глаза загораются воинственным блеском. Симпатичный бельчонок, хоть и егоза.

– Допустим, – не опровергаю истинность аргумента, хоть для меня и дикость считать врагами целую нацию. – Но вра-

ги достойные, разве нет? Второе по размерам территории и первое по количеству живых-воинов государство. С Поднебесной считается весь мир, и даже мы. А сколько чемпионских поясов носят китайские ушуисты?

– Но...они же у наших отобрали эти пояса! – восклицает стгоряча рыженькая. – У наших богатырей!

– Чтобы побеждать, надо знать, – спокойно отвечаю. – А чтобы знать, надо учиться. Учиться у всех – у друзей, у врагов. Особенно у врагов. Особенно у сильных врагов. Поняла мою мысль?

– Да... – поджигает ученица розовые губки. – Ладно, я согласна поучиться у тебя.

Не сдерживаю усмешки.

– Надеюсь, не потому что я твой враг.

Ее розовые щеки вспыхивают.

– Нет, что ты! – жарко возражает. – Бес, ты очень даже мне друг!

Белоснежка недовольно смотрит на члена своей команды. Бледный лоб грозно морщится, и рыжая, поняв, что посягнула на «княжеский стол», опускает голову, спрятав за челкой глаза. Но за рыжими локонами по-прежнему угадывается горячий янтарный огонь. Заинтересовалась девушка.

Аделина громко покашливает.

– Ближе к делу,
ученик

, – делает акцент на последнем слове. – Моя секция – не место долгих дискуссий.

Смотрю на тренера. Татарка чуть ли не дымится, смуглые кулаки сжаты до побелевших костяшек. Она-то чего дуется?

Ладно, приступаю к обучению.

– Цигун – способ культивации жизненной силы. Построено на сочетании визуализации образов и модели ритмичного дыхания, – словно с книжки читаю. – На этом принципе мое заимствование заканчивается. Закройте глаза и расслабьтесь. Дышите глубоко и длинно. Чувствуете, как расширяется нижняя часть брюшного отдела?

– Да, – выдыхает верная Кали.

– Чувствую, – не отстаёт Белоснежка.

– Есть, – Алмакаева.

Остальные тоже подтягиваются, кивая и поддакивая.

Посредством медитации разум учеников освободился, циркуляция живы в теле сбалансировалась. Словесными модуляциями я увожу учеников в сад безмятежности. Заставляю их ощутить поток энергии в теле, взять его за вожжи. Ученики переносятся в иллюзорный мир подсознания.

– Вы поднимаетесь на вершину холма, – подхожу я к самому интересному. – И лицом к лицу встречаете своего врага. Вашего обидчика или, может, обидчика ваших родных. Того, кого больше всего ненавидите. Того, кого хотите, нет, жаждете убить.

Многие вздрагивают, поглощенные неприятными образами. У кого-то дергаются веки.

– Не открывайте глаза, – предупреждаю я. – Не будьте трусами. Смотрите врагу в лицо. Открыто ненавидьте его.

Ученики насупливаются, даже симпатичные лица девушек становятся свирепыми. Больше всех суровая гримаса идет мордашке Кали. Хотя Алмакаева тоже очень похожа на пантеру перед броском на спину тигру.

В Страшном мире у меня не было мудрых учителей, не было пособий по буддизму и прочей дребедени. Я не знал, как поймать дзен. Никто не учил меня умиротворению. Зато сам мир дал мне щедрый урок злости. Мою силу взрастила ненависть к демонам. Топлива этого хватало с избытком.

– Вы смотрите своему врагу – этой сволочи – в лицо? – спрашиваю.

– Да! – отвечает хор голосов.

Размеренное дыхание наполняет зал.

Потом уже я узнал, что в медитации часто используется метод многократного повторения мантр. Мантра – короткое «священное» слово. Обычно это символ какого-то понятия или абстрактной вещи. Моя же мантра совсем иная. Она означает действие, стремление.

– А теперь сконцентрируйте всю жизненную энергию и прикажите ему сдохнуть, – ошеломленное молчание. – Назовите своего врага и скажите – «Сдохни!»

Да, «сдохни» – моя мантра, мое «священное» слово.

Сдохни, Яка! Сдохни, Швар! Сдохни, Градгроб!

Сдохни, демон!

Раздается оглушительный гул голосов.

– Сдохните, китаезы! – со стиснутыми кулачками пищит рыженькая, признавшая меня «очень даже другом».

Где-то половина учеников кричит тот же лозунг. Все же глубоко в наших дворянах проросла ненависть к китайцам.

Алмакаева тихо шипит, но мне ее слышно:

– Сдохни, Казань! – Ого, целый город ненавидит. Интересно, что у татарки в Казани случилось.

Некоторые откровения приходится мне совсем не по душе.

– Сдохни, простолюдинка! – четко выговаривает Белоснежа, длинные ресницы закрытых глаз подрагивают, коралловые губы поджаты.

– Сдохни, седая! – рычит Кали, не слыша никого, кроме собственного голоса ярости.

– Сдохни, Алла! – отчетливо выговаривает Женя Аксюк. Слезы стекают из закрытых глаз барона. Этот фарфоровый солдатик всё еще подметает осколки своего сердца. Ну, пусть попробует дальше слов пойти – следующим череп разобью.

Еще удивляет розоволосая Кира – подруга Кали кричит очень странное:

– Сдохните, убийцы детей! Еще раз сдохните!

Постепенно ученики успокаиваются, мерно мерцают «колodцы», на юных лицах довольные улыбки. Поорали, сбро-

сили напряжение, заодно и меридианы немного закалили.

– Фу-ух, – расслабленно выдыхает Кирилл. – Чувствую прямо прилив сил. Еще пару таких медитаций – и можно ранг Воина смело получать.

– Ловлю на слове, – тут же подкалываю я. – Если не получишь – смоешь с головы эту зелень.

– Черт! – ругается расстроенный парень.

– Конов! – тут же одергивает его тренер Аделина. – Десять кругов по залу живо! Остальные – разминаться.

Ученики расходятся по татами. Начинают разогревать мышцы перед отработкой ударов. Шея, руки, ноги, спина – надо хорошо размять перед резкими движениями.

Смущенно теребя розовые локоны, Кира наклоняется к Кали:

– Оля, а Бесу не нравятся цветные прически? – тихо спрашивает крашенная ученица.

– Терпеть не может, – не глядя на подругу, подтверждает моя девушка.

– Черт... – выдыхает Кира.

– Веникова! – Алмакаева строго смотрит на ученицу. – Тоже десять кругов.

– Простите, – краснеет Кира и пристраивается за Кириллом.

Дальше занимаемся отработкой ударов, а затем с молчаливого согласия тренера увожу своих парней на индивидуальную тренировку. Кали с грустью смотрит мне вслед. Да,

возможно, ее тоже стоило бы полностью приобщить к настоящему развитию. Но, честно, меня разрывают сомнения. С одной стороны я хочу всегда видеть ее по правую руку, хочу вместе с ней рвать на клочья демонов, хочу пробиваться сквозь кипящую бурю сражений навстречу моей Кали. С другой стороны – я просто хочу ее. Как женщину, как мать своих будущих детей... Хм, София нервно закурила в сторонке.

В любом случае, выбор за Кали. Битвы рано или поздно найдут ее сами. И только ей решать – отказаться от отчаянной борьбы, оставшись дома у очага, либо выйти навстречу накатывающим валам врагов. Запретить, велеть сидеть дома? Дикie птицы умирают в неволе.

После тренировки я сижу в своем кабинете, который мне выделила София. За окном уже светит ядовито-желтый полумесяц. На звонке Сербина – нежным томным голосом предлагает мне встретиться.

– А по-собачьи встанешь? – с зевком проверяю я ее податливость.

– С радостью! – восторженно кричит.

По-прежнему, пернатая как пластилин – гни аппетитное тело куда хочешь. Всё разрешено.

– Я подумаю. – Да ни за что! – Ты вообще размышляла, почему на меня не действуют твои «семь грехов», в частности похоть?

– Конечно, сотни раз.

– И?

– Не знаю, – честно признается. – Даже то, что ты демоник, не должно спасать тебя от влияния парамиты. Тем более от такой незапятнанной, как у меня.

Хмыкаю – самооценка у пернатой, конечно, зашкаливает. Считает себя воплощением добродетели. Интересно, что это нисколько не мешает ей соблазнять школьника.

– У меня есть псионический фрактал как у Генерала Яка.

– Но все Генералы живы.

– Потому и сказал – как. – Рано ей козыри скидывать.

– Ну возможно... – с сомнением протягивает Сербина.

– Ладно, расскажи мне сказку на ночь про инферно. Зачем они дураят католикам мозги? Зачем заливают им про священные войны и Спасение?

– Чтобы выпустить в мир Орду и истребить человечество.

– Злыдни злыденские, – киваю. – Но люди-то им чем не угодили?

Сербина замолкает, словно собираясь с мыслями.

– Инферно служат Хаосу...

– Так они тоже демоны? Твари из Нижних миров?

– Нет. Они намного большее, чем воплощение осевшей психической энергии, которое и является демонами.

Вот так закрутила! Я чешу висок. Пернатая явно пытается меня запутать, отвечая как нудный ботан.

Резко открывается дверь, вбегает Алла. Не стесняясь, княжна хватает меня за руки.

– Бес, тут такое! – тяжело дышит, явно бежала.

Легко поглаживаю ее по черным волосам и целую в щеку, вдохнув сладкий цветочный запах.

– Отдышись, Ал.

– Что там за женский голос? – раздается из телефона.

– Пока, Сербина, дела зовут, – обрубая звонок. Теперь мой взгляд обращен к княжне. – Что случилось?

– Вика, – выдыхает Алла. – Только не злись на нее, пожалуйста. Ей тяжело далось то, что теперь тебя надо делить с другими. Она же строптивая, сам знаешь.

– Знаю, – пытаюсь улыбнуться по-доброму, но, наверно, мне не дано – Алла только вздрагивает, и я прекращаю попытки. – Бить ее не буду. Сильно.

Доболтался – напугал красавицу. Княжна бледнеет. Подхватывая ее за затылок, прижимаюсь губами. Наше дыхание замирает, мы наслаждаемся друг другом.

– Ну так что она натворила? – сдавливаю Аллу до сладкой истомы.

– Поединок. Вика вызвала Кали, – сдается в моих объятиях княжна. – Сегодня ночью в клубе Военных игр.

Хорошая «сыворотка правды» из меня вышла.

– Вот же глупая, – не сдерживаюсь я.

– Артём, у Вики что-то серьезное дома случилось, – гладит меня по руке Алла. – Она не говорит, но я чувствую. Ты не злись.

– Да не злюсь, а проблему Вики выясним и решим, – от-

странную княжну от себя. – Вы же мои, я не могу вас подвести.

– Настоящий мужчина, – с восхищением смотрит Алла на меня. Антрацитовые глаза отражают свет луны. – Верю. Вот таким был бы Женя.

– Аксюк? Зачем ему таким быть? – не понимаю я.

– Девушку быстрее бы себе нашел.

– Хм, – ответ мне кажется не до конца полным. – Ну, пойдем.

Взяв Аллу за руку, веду ее из кабинета. Запираю дверь и провожаю свою девушку до общежития. На крыльце гладим волосы друг друга, губы сливаются в еще одном поцелуе. Минуту точно плаваем в невыразимом ощущении.

На улице включили фонари. В их дымном сером свете бледнеют пустые лужайки. Срезав по газону, я дохожу до клуба и, пока жду Вику, звоню Кали.

– Да, Бес?

– У тебя не будет сегодня поединка с Викой.

– Да, Бес, – удрученно соглашается.

– Пока.

– Пока...и целую, – скороговоркой выговаривает, затем бросает трубку.

Пи-пи-пи.

Наконец дожидаясь виновницу своего ожидания.

– Бес? – округляет глаза Вика и сама себе кивает. – Простолюдинка сдала.

Я молча поднимаюсь на крыльцо. Вика в нерешительности топчется внизу.

– Ты идешь? – бросаю, не оборачиваясь.

– Зачем? – наверняка, глазами удивленно хлопает.

– Ты хотела поединка – ты его получишь.

Спустя тридцать секунд за спиной раздаются покорные шаги. В зале я врубаю свет и вхожу в октагон. Следом и барышня. Встаем друг против друга. С нахмуренным лицом Вика смотрит на меня.

– Так как мы без судьи деремся, то я скажу правила, не против? – в ответ молчание. – Бой длится до потери сознания либо пока один участник не сдастся. Правила понятны, Журавлева?

Кровь бросается Вике в лицо, глаза стекленеют из-за страха.

– Я не тебя вызывала, а простолюдинку!

Пожимаю плечами.

– Как парень

простолюдинки,

я принимаю вызов за нее.

– Так значит! – вдруг плачет она. – А я тебе, выходит, никто?! Ты и мой парень тоже! Так что дерись сам с собой! Насмерть! Вскрой себе грудь и вырви свое каменное сердце!

– Вика... – подхожу к девушке. Неужели так быстро сло-

малась?

Она бьет меня ладонями в грудь, я не отвечаю.

– Что же ты?! – ревет в истерике. – Хотел драться – дерись!

Ловлю ее ладони. Она тщетно вырывается.

– Знаешь, на что я пошла ради тебя?! – продолжается поток откровений. – Мой опекун, мой дедушка – он уже стар и болен. Врачи отправляют его жить на Кавказ, источники должны вылечить. Сейчас ему нужна моя помощь как никогда, а я отказала. Сказала – остаюсь. Из-за тебя, бессердечный!

Пытается залепить мне пощечину, но рука крепко зажата. Замолкает, сверкая мокрыми глазами. Вдруг отпускаю ее.

– Бей, если хочешь. Мой доспех снят, – она не двигается, хлюпает носом. – Знаешь, есть вещи, ради которых я бы оставил тебя, Аллу, Кали и Свету. Оставил бы, даже не задумываясь.

Демоны, чертовы демоны. Если бы мне требовалось уйти, чтобы спасти мир, я бы ушел. Да, я плохой парень для своих девушек, но демоник Перун по-другому не может. Наверно, Женя Аксюк ни за что не покинул бы Аллу, хоть солнце упади. Но от него и толку как от декоративной собачки.

– Не говори так, – шепчет моя девушка. – Алла считает тебя скалой, незыблемым!

– Вика, я – скала, которая может уйти в любой момент, – признаюсь. – Я никогда не брошу вас в беде и одних. Но не обещаю, что всегда буду рядом с тобой. Так что знай – если

ты принесешь во имя нас столь тяжелую жертву, то оплатить тем же я вряд ли смогу.

– Заткнись! Заткнись! – вскрикивает и бросается ко мне. Прижимается к груди. Плач, словно удары, сотрясает ее крепкое тело.

Пейзаж первой любви вдруг потускнел, и принять это тяжело. Но Вика сильная, девушка стерпит убийственное открытие: "Ничто не вечно".

Не знаю, сколько так стоим под аккомпанемент тихих рыданий.

– Мы расстаемся? – наконец спрашивает она, глотая слезы.

– Ты любишь своего дедушку? Хочешь быть рядом с ним?

– Да... – всхлипывает и утыкается носиком мне в шею.

Провожу рукой по красным волосам.

– Тогда... ни за что. Ты просто побудешь рядом с дедушкой, сколько нужно, – и вернешься ко мне.

Вика жарко целует меня в шею.

– Спасибо, тогда мне надо собирать вещи...

Но она никуда не идет. И не уйдет... сегодня. Ее губы настойчивее прижимаются. Я вдыхаю манящий аромат и, сжав девушку в объятиях, опускаю на настил. Со стоном Вика вдавливается в меня всем телом. Набрасываюсь на нее с новой силой. Упиваюсь, смакую знакомый любимый вкус, зарываюсь в красные волосы руками.

Эта арена видела сотни спаррингов и тренировочных бо-

ев, но настолько страстное сражение – вряд ли.

Глава 3 – Мой Вавилон, и я его строю

Через три дня провожаем Вику. На парковке ожидает машина, водитель только что отнес последний чемодан. Вместе со мной пришла попрощаться, конечно, и Алла, а также Кали со Светой, хотя я их не заставлял. Может, умнеют.

– Слушай, Оля, – начинает Вика. – Прости меня за тот вызов на поединок и вообще за наезды. Мне Бес мозги вправил. Ревнивая дура я просто.

– Ага, я давно поняла, – кивает Кали, и в ответ на вспыхнувший огонь в глазах красноволосой усмехается. – Сама ведь точно такая же дура.

Девушки радостно улыбаются друг дружке. Ну наконец-то мир. Напряжение только спадает, как Белоснежка язвит.

– Дура дуру видит издалека, да?

Но на нее злиться всем уже в лом.

– А ты сама чего пришла, Света? – спрашивает Алла.

– Как чего? – Смутившись, та слегка краснеет. – Девушку своего парня проводить, вот что!

– Эх, иди сюда, колючая, – неожиданно ласково произносит Вика.

Ее сильные руки притягивают княжну за плечи. Бело-

снежка стоит как деревянная, пока Вика нежно прижимается к ее полной груди.

– Ну ты вообще... – выдыхает румяная княжна, когда красноволосая отстраняются.

Следующей порция нежности достаётся Кали. С Аллой, понятно, прощание самое долгое и тяжелое. Девушки зарываются носами друг другу в волосы, за уши. Громко и жадно выдыхают. На глазах у княжны блестят слезы.

– Ну хватит, Рёвы Рёвны, – усмехаюсь я. – Всего-то на три месяца расстаетесь.

– На три?! Как на три?! – тут же округляет желтые глаза Белоснежка. Полные губы нервно кривятся. – Не надо на три! – на удивленные взгляды княжна поправляется. – То есть Журавлевой же надо лечить родственника! Старого! Тяжелобольного! Это дольше трех месяцев! – с надеждой выкрикивает она.

Снисходительная усмешка Вики заставляет Белоснежку испуганно вздрогнуть, потеряв всякую надежду. Очень злую надежду, которую разбить – святое дело.

– А Бес уже подсуетился и вылечил деду.

– Как это вылечил? – впадает Света в осадок.

– Вот так, – Вика раскрывает руки. – Не хочешь еще раз обняться, «сестра»? Порадоваться вместе со мной?

– Ннет, – пищит морально разбитая княжна и прячется за мою спину.

Не удержавшись, Алла быстро показывает Белоснежке

кончик розового языка. И украдкой смотрит черными очами на меня – не заметил ли, а если заметил – не серчаю ли. Я забиваю на выходку – поделом Белоснежке. Сам давно уже ремня ей в мыслях обещаю, да всё некогда.

Вообще, «вылечил деду» громко сказано. Но вмешался, конечно. Смотрю на осевшее лицо Белоснежки. Счастье Вики сильно ее подкосило-то. Мда, повезло мне с девушкой – ледышка вместо сердца.

Ну вот как, как можно заводить ребенка с Софией? Кого из Бородовых ни возьми – не русская душа, а сухарь. Я уже поговорил с Александром насчет невинных жертв, совершенных им во время покушения в пригороде. Он даже не понял меня. Пришлось угрожать князю. Кричать, орать, пару морд сбежавшимся охранникам разбить. Тогда лишь дошло. Выплатил компенсации пострадавшим, обещал беречь мирное население. Только толку от его бабок и обещаний – людей к жизни ведь не вернешь. Да и не построишь нормальное сотрудничество на говне и палках с угрозами. Буду искать других партнеров, а не чертовых мясников.

Переглядываюсь с Белоснежкой. Княжна сжимается и сглатывает, но взгляд не смеет отвести.

– Неужели ты думала, что я брошу свою девушку в беде? – хмыкаю. – Что позволю ей затеряться в глуши, в горах? Что дам осесть в тысячах километрах от меня?

Молчит, ну еще бы. Перевожу взгляд на небеса. Такое ощущение, что не только Белоснежка – а очень многие – сам

мир! – так смел подумать. Ну-ну, поговорите мне еще, смельчаки трепливые. И до вас ход дойдет.

Наутро после жаркой ночи с Викой в клубе я отправился в поместье Журавлевых. Взял водителя с машиной у Бородовых – теперь всегда пользуюсь их ресурсами, с них не убудет. О встрече с Будимиром Велиславовичем, опекуном Вики, договорился заранее.

В старинной усадьбе симпатичная служанка, виляя выпуклыми ягодицами как дирижаблем, провела меня в широкий кабинет. Внутри ждал хозяин.

– Спасибо, Авдотья, – прокряхтел худой старичок, утопая в кожаном кресле.

Служаночка с заботливой улыбкой глянула на господина, отвернувшись, махнула мне своим дородным крупом и была таковой. Прикольная кобылка в чепчике. Взбодрила мне кровоток. Так бы и предложил ей сахарок.

– Добрый день, Ваше благородие, – с поклоном я поприветствовал старичка.

Его тонкие колени накрывал шерстяной плед в клетку. В углу стояло инвалидное кресло. Интересно, кто его пересаживал из каталки. Не служанка ли?

– Будьте как дома, – кивнул Будимир, указав на стул напротив.

Я любезно плюхнулся, куда сказано, и включил «глаза Жамбы».

Старичок приходился Вике опекуном. Она его любила и

называла дедушкой, хоть прямым родственником не являлся.

Будимир разглядывал в окне изрядно заросший парк, переходящий в лесной массив.

– Сегодня удивительно солнечная погода...

– Как вы знаете, я являюсь молодым человеком Викторией, – сходу прервал светскую прелюдию. – Так как ранее вы не проявили возражения по поводу наших с ней отношений, считаю, что вы с ними полностью согласились, а значит, мое участие в дальнейшей судьбе Викторией не подлежит опровержению.

О, как завернул! Старичок захлопал глазами.

– Вы пришли насчет ее переезда, сударь?

– Именно. Отпустить ее готов только при двух условиях. Первое – Вика уедет не больше чем на три месяца. Уверен, что в Пятигорске нет такого же престижного заведения, как лицей Бородова. Для ее будущего лучше отучиться здесь. Легче будет поступить в хороший вуз.

– Понимаю, – согласился с доводом Будимир. – Но Вика намерена быть рядом со мной до самого выздоровления, – слабая улыбка тронула его морщинистые губы. – Через три месяца я же вряд ли выздоровею.

– А с вашим здоровьем как раз связано мое второе условие, – моя очередь улыбаться. – Сначала позвольте провести вам сеанс энергомассажа. А потом уже примете решение по поводу первого условия.

– Ох, молодой сударь, – помотал головой старичок – точнее попытался, сил не хватило. – Не знаю, на что вы рассчитываете. На мне уже столько целебных методик использовали бестолку. Динамическую медитацию в том числе. Осталось только пожить на минеральных водах в надежде на спокойный уход.

– А что с вами случилось?

Я видел, что энергетический каркас Будимира нарушился. «Колодцы» работали на пределе, из-за этого похерелось физическое тело. Словно дед живот сорвал. Но что могло быть причиной такого самосжигания?

Старичок не прочь был пообщаться. Оказалось, что Будимир приверженец стиля Морены, Богини смерти. Стилль этот не боевой и направлен на излечение болезней скота и людей. Заболевания сварожици называют марами, слугами Морены. Сердобольной дедушка последние три десятка лет помогал жрецам Морены изгонять мар из страждущих. Обращались в храм в основном те, кому не способны помочь обычные врачи. Больные волчанкой и раком, диабетики, астамтики, ВИЧ-инфицированные. Жива лечит всё, но взамен и забирает силу помогающего. Будимир практически поселился в храме Зимы-Смерти. Никому не отказывал и в итоге надорвался.

– Всего одна попытка, – настаивал я. – Моя динамическая медитация отличается от общепринятых. Вы же ничего не теряете?

– Хорошо, – сдался старичок. У него уже глаза слипались – перенапрягся, рассказывая о своем горе.

Причина неудачи других методик ясна. Будимира лечили всё той же живой, из-за которой он и погорел. Хотели обильным потоком энергии восстановить «колодцы». Это равносильно, как вместо того, чтобы перегрузить висящий компьютер, пытаться навключать еще полсотни программ. Центральный процесс сдыхает, давайте еще добавим ему команд? Нет, клин клином здесь не средство. Старичку всего-навсего требовалась перезагрузка. А ему чуть нафиг не взорвали всю энергосетку!

Мои мини-«толчки» как раз дали нужный эффект. Произошла перезагрузка «колодцев», восстановленные потоки живы между ними соорудили новый энергокаркас. Сетка больше не сбоила и натужно не мерцала .

Старичку больше не хотелось спать. Лицо его вытянулось, в глазах загорелся живой блеск. Вцепившись в подлокотники, Будимир даже попытался встать – и ему почти удалось. Но я настойчиво опустил его обратно в кресло.

– Минеральные воды вам все же не помешают, – мягко сказал. – Энергокаркас мы восстановили, а телу еще надо его догнать. Слишком долго оно чахло без нормальных меридиан. Поэтому на три месяца отпускаю с вами Вику. Этого времени с лихвой хватит на полное заживление.

– Но как тебе удалось? Как? Как?! – не мог прийти в себя старичок, вдруг опустив взгляд.

Я ухмыльнулся.

– Похоже, вы уже на Кавказе, Ваше Благородие.

Под клетчатым пледом вздымался настоящий Эльбрус.

– Десять лет такого не было! – обрадовался Будимир Велиславович как ребенок. – Думал, уже всё, женщину во век не трону!

– Побочный эффект моего лечения – рост либидо, – пояснил я на всякий случай. – Ну, похоже, мне пора. До свидания.

Только, откланявшись, вышел за дверь, как услышал зычный зов старичка:

– Авдотья! Живо ко мне!

– Бегу-бегу, барин... – прогарцевала мимо меня шикарная служанка.

С улыбкой проследил, как ее сочная задница скрывается в глубине кабинета. Похоже, Авдотье-таки перепадет сахарка. Заодно и дедушка Вики немного наверстает потерянные десять лет.

Вот приходит и моя очередь прощаться.

– Спасибо-спасибо! – осыпает меня поцелуями Вика на парковке.

А я, пользуясь случаем, поглаживаю ее крепкие высокие груди. Лишь пыхтение Белоснежки сбивает настроение. Ка-ли, умница моя, нормально воспринимает. Алла же и сама не прочь помять зачетные буфера подруги. Ну ничего, через три месяца порезвимся втроем или вчетвером. Или даже

впятером – если Белоснежка каким-то чудом превратится в нормальную. Каким-то чудесным ремнем, хе.

Когда Вику увозят, мы расходимся по классам. Без моей красноволосой красотки даже учиться не в радость. Хотя тут лукавлю – когда оно мне вообще нравилось? Но хоть вид покоренных холмов Журавлевых скрашивал серую повседневность.

На перемене блуждаю по коридорам. Найти бы тихий уголок – заняться астральным телом.

– Бес, – какой-то смуглый парень протягивает мне руку. – Дагер, вот и увиделись лично.

Пожимаю его скользкую ладонь.

– Ты обо мне, похоже, слышал – я о тебе ни краем уха.

Паренек ухмыляется.

– Неудивительно – твое сияние всех затмило. – Ну и подхалим же. – Но покаяться всё же надо. Я тот, кто придумал ставки на срок, когда ты вылетишь из лица.

– Ясно, – со скучающим видом хочу пройти мимо. Но тирок загораживает проход.

– Есть дело, Бес. Прибыльное дело.

– Выкладывай, – отвечаю я. – Только быстро. Мне не нравится, когда меня пытаются загнать в угол.

Поняв намек, Дагер освобождает путь. Но я пока не ухожу – заинтриговал, чертило.

– Книжный рынок. Тираж пятьсот экземпляров – поначалу небольшой, чтобы загнать цену. Затем раз в квартал еще

по две тысячи.

– А будут брать? – заинтересовываюсь.

– Как горячие пирожки, – усмехается дворянин. – Рекламный бюджет целиком за мной. От тебя требуется выступить на паре ток-шоу, да интервью в десяток газетенок дать. Выхлоп пополам.

Делаю морду кирпичом.

– Ладно, смотрю, ты прожженный, – всплескивает паря руками. – Шестьдесят процентов твои.

– Шестьдесят пять, – брякаю я.

Со сверкающими глазами Дагер согласно машет рукой. Видно, даже так он в прибыли. Еще бы неплохо знать о чем речь. Не мою автобиографию же он собрался издавать. Скорее уж книжку с иллюстрациями моих техник.

– Красиво излагаешь, но есть одно «но». Медитации – родовая тайна Бесоновых. Продавать их не собираюсь.

Слухами земля полнится. Моя команда первокурсников круче многих Воинов, сам я якобы развился до Кмета. Все это видят и офигевают. Хромовы уже пробовали заграбастать славу. Теперь ко мне в гости пришел и соблазн капитализма. Деньги.

Дагер понимающе кивает.

– Но ты же можешь выделить с десятков, которых не жалко? – верно подмечает.

Мне их все не жалко в принципе, но таким ресурсом раскидываться не стоит. Зато общеукрепляющие медитации по-

могут детворе в трущобах развиваться до Учеников.

– Хорошо, а зачем мне ты?

– У моего рода полно связей в рекламном, книжном, информационном бизнесе, – пожимает плечами Дагер. – Меня с детства натаскивают торговые дела вести. Честно, мы больше буржуазия, чем дворяне. Только с принципами. Хоть мой отец это и не признает никогда. Тебе вообще ничего не нужно будет делать, лишь выступать лицом товара.

Все правильно. Здесь требуется прожженный воротила, а не такой прямолинейный чайник, как я. Причем воротила свежий. Бородовым доверять свои дела не хочу, и так слишком завишу от князя. Встречаюсь с его дочерью, учусь в его лицее, езжу на его автомобиле. А Александр любит подцеплять крюком за причинное место. Пора диверсифицировать риски. Почему бы и не этот Дагер, раз он сам прискакал на запах барышей.

– Бесплатные издания в городские библиотеки, – подумав, вставляю я. – Таково мое условие.

– Это колоссальные убытки, – морщится парень. – Так тираж скупил бы определенный круг лиц, и другим бы пришлось ждать следующий. Но если они смогут пойти в библиотеку, то и ждать не будут.

– Тогда в библиотеки отдавай со второго тиража, – решаю вопрос.

– Давай с пятого! А лучше с шестого! – горячо торгуется Дагер.

За процент дохода так не дрался. Вот, оказывается, где настоящие деньги – в эксклюзивности товара. Хоть заново читай учебник по экономике.

– А розничная цена какая?

– Двести тысяч.

У меня глаза на лоб лезут.

– Двести косарей?! Рублей?

– Ну не долларов же, – презрительно кривит губы. – Второй тираж дороже – на полтос. А если накарябаешь еще техник – будем на аукционах спускать, начиная с миллиона. Штучный товар выйдет. Репутация у тебя уже появится, команда маркетологов создаст громкое имя.

Но мои медитации не помогут населению, если книжка стоить будет килограммовый слиток золота. Бабки, конечно, это очень круто, но демонов замочат только контролеры жи-вы.

Дагер по-своему воспринимает мое замешательство:

– Да и сдалась тебе эта благотворительность...

– Сколько по времени займет шесть тиражей?

– Два года.

– Слишком долго, с третьего тиража книги пойдут в библиотеки.

– Уговорил, – огонек в его глазах мне совсем не нравится, поэтому добавляю:

– И чтобы третий тираж вышел в течение года.

Огонек сразу гаснет – ага, гаденыш тянуть издание хотел.

– Ладно, – уже без всякого запала соглашается. – Сегодня прийдешь медитации на почту? Схемы, рисунки, там пояснения.

Прихватываю его крепко за плечо и притягиваю к себе. Время прояснить важный момент – никакого дурева.

– А сначала не хочешь подписать издательский договор? – тихо-тихо шепчу.

– Т-точно, – выдыхает побледневший коммерсант.

– Вот еще что. Случайно, не слышал, кто прибил Хромовых?

– Слышал, – сглатывает он.

– А понял, к чему я это вспомнил?

– Да.

– ТАК. ИДИ. ГОТОВЬ. ДОГОВОР.

Только моргнуть успеваю, а Дагера уже нет рядом. Несется на всех парах к лестнице.

– Дагер, ты куда? – удивленно кричит ему вслед длинноногая шатенка. – А литература?

Тот, не оборачиваясь, сигает через перила. У парня сегодня явно будет день сплошных прогулов.

Сам после уроков еду – да, снова на машине Бородовых, прямо альфонсом себя чувствую – в поместье Настьевых. Наконец отец Аллы соизволил встретиться.

Вилла у Настьевых классическая, белокаменная, тонущая в террасных садах. Журчат фонтанчики, под брызгами блещут вымощенные булыжником дорожки. Внутри меня ждет

разочарование – симпатичных служанок не видать. Только бегающие туда-сюда старушки.

Одна из них проводит меня в кабинет на втором этаже. Одновременно другая бабуля приносит огромный серебряный поднос с маленьким чайничком и одной кружкой. Явно намек на лестное отношение ко мне, ведь князь Стефан Настьев знал, что я приду.

На диване молча сидит грузный человек, его хмурый взгляд исподлобья щекочет мне пазухи носа.

Пока бабуля ставит поднос на столик у дивана, я коротко кланяюсь.

– Добрый день, Ваша Светлость.

– Добрый? – переспрашивает князь. – Не для тебя, молодой сударь. Ведь сейчас ты будешь отвечать передо мной, по какому праву посчитал себя вправе встречаться с княжеской дочерью.

Ох, блин, а надеялся, проще выйдет. Сразу с наездов разговор начался.

Мой взгляд падает на высокое окно. Яркие белые блики пляшут по стеклу.

– А сегодня все-таки удивительно солнечная погода...

Глава 4 – Сосиска в тесте

Отец Аллы берет в руки единственную чашку. Чай Стефан пьет так, словно больше всего на свете ненавидит этот напиток.

– Прошу без разговоров о погоде, молодой сударь. Мы сэкономим время, если ты ответишь на мой вопрос.

Пожимаю плечами.

– Сначала разрешите сесть. Или мне дальше смотреть на вас сверху вниз?

Князь улыбается, но без симпатии. Дождавшись его кивка, я разваливаюсь в кресло напротив. Мне совсем не нравится тон светлейшего, но пока с трудом сдерживаюсь. С огромным трудом.

– Мои отношения с вашей дочерью не были тайными, – монотонно разъясняю. – Целый месяц вы могли вызвать меня на ковер обсудить вопрос, но не торопились.

– Помнится, вовсе не я пропустил самую первую встречу, – язвит.

– Извините, мою сестру похитил сын светлейшего князя Александра Бородова. Но Бородов-младший нынче мертв и больше не помешает нам.

– Мертв? Неужели это ты его... – киваю – ...а князь тебя за это не.... – обомлевает Стефан, но берет себя в руки. –

Хм, допустим, уточню еще. Но давай начистоту, молодой сударь. Я не запрещал категорически ваш цирковой номер по одной простой причине. До тебя моя дочь слишком засиделась с куклами. Ее совершенно не интересовали мужчины. Женя Аксюк – идеальная партия – с детства обхаживал Аллу, на свидания звал, подарки дарил, а она даже намеков не видела. Твой же простой, рустикальный нрав разбудил в ней женственность. Задачу свою ты выполнил, и дальше ваши свидания мне не угодны. Я уже выбрал своей дочери равную по статусу пару.

Медленно выдыхаю. Сварог, дай мне сил не выкинуть возможного тестя в окно. Кто он там? Рыкарь? Да пускай. За такое кастрировать мало. Отдал, говнюк, дочку на случку, словно таксу какую-то. Вязку устроил, понимаешь ли. С целью разбудить женское естество. А теперь новую задумал – уже стандартную, ради титулованного потомства.

– Звучит дальновидно, Ваша Светлость, – скриплю зубами.

Он насупливается.

– Кажется, я слышу саркастическую ноту?

Саркастическую? Да, я готов вколотить тебя лбом в ламинат под ногами! Кстати, а почему под ногами не дорогая паркетная доска, а дешевая подделка? Я оглядываюсь. Вся обделка кабинета далеко не сияет роскошью. Простой стол из досок, шкафы тоже не вырезаны из цельного куска дерева. Даже мое кресло обшито кожаном. Зато коридор, по кото-

рому я шел сюда, обставлен антикварными вазами и увешан дорожными гобеленами. Что за подстава?

Ломая голову над загадкой дешевой обстановки, я остужаюсь.

– Условия – на каких условия вы готовы, чтобы Алла осталась со мной?

Стефан обжигает меня холодным взглядом.

– Не понимаешь ты слова «нет», молодой сударь. Очень жаль.

Не слушая, продолжаю сам.

– Первое, понятно, – дворянство. Оно будет. В течение года обязуюсь добыть герб.

– Это вряд ли, – усмехается князь. – Сейчас дворянство возможно получить за личные заслуги. Но как раз я готовлю закон о новых ограничениях в получении привилегии. В армии гербы будут вручаться с производством в полковничий чин. На статской службе право на высшее сословие отодвинется до чина действительного советника. Больше никаких лазеек для простолюдинов не на госслужбе. Закон я отдам на обсуждение в Сенат до конца года. Меньше полгода осталось.

– Значит, в течение полугода обязуюсь добыть герб, – поправляюсь. – Что еще?

Его Светлость полосует меня на куски взглядом, но все же выдает, видимо, забавляясь:

– Ну давай пофантазируем. Во-первых – двадцать милли-

онов рублей на счету. Во-вторых – выиграй московский чемпионат по Военным играм. Ты же ими занимаешься? Вот тебе доп стимул. И напоследок – получи первое место на Всеимперском конкурсе технических достижений.

– На чём?! – вылупляю я глаза.

– На ежегодном конкурсе по инженерному делу среди школ и вузов, – усмехается князь. – Мои газеты о нём тоже пишут, почитай. Суженый моей дочери должен быть не только знатным, богатым, сильным, но и гением. – Да он издевается!

– Принято, – бурчу. – В течение года всё сделаю.

– Сомнительно, – он встает и направляется к столу. – К январю жду, что вы с моей дочерью распрощаетесь.

Стефан нажимает звонок на столешнице. Без стука в узкую дверь втискиваются двое громил. Кметы-каменщики, доспехи уже надеты, мощные бицепсы напряжены.

– Эти господа тебя проводят, – вдруг любезным тоном сообщает князь.

– Да уж не стоит. Не заблужусь в ваших хоромаш.

– Я настаиваю, – усмехается он и выходит в коридор.

Встаю с кресла. Громилы загораживают дверь. Застыли столбом, не шевелятся, словно чего-то ждут. Сами Кметы не простые. Их доспехи в разы прочнее армированного бетона. Парней тренировали не на утонченную манипуляцию живой, а на укрепление «панциря». Настоящие пехотные танки. Пятеркой «толчков» таких не вырубишь.

– Может, пойдем? – спрашиваю, задрав голову.

– Секунду, – лыбится левый.

Второй прислушивается к чему-то, уставившись в стену у шкафа. Тоже смотрю-смотрю «глазами Жамбы», пока не высматриваю за гипсокартонной перегородкой нового гостя. Ах, нет – старого. Сквозь тонкую преграду просвечивается сетка живы. Узнаю своего будущего тестя. Князь уже соскучился по зятю. Видимо, там дырки в стене просверлили, чтобы наблюдать за псевдокабинетом. Вопрос только – нафига? Князь Стефан – долбанный вуайерист?

Раздается звонкий щелчок. Звук служит сигналом для громил. Кметы бросаются на меня, раскрыв пятерни.

Ну, Мурка в помощь. Захватываю первого за рукава на локтях и, дернув на себя, сам падаю на пол у его пятки. Перекач через спину. Когда лопатками касаюсь пола – противник пролетает надо мной. Поддаю ступней в грудак. Звон разбитого окна и удаляющийся крик оповещает, что птичка вылетела. Свободу бакланам!

Второй целится в мое лицо ногой. Ухожу кувырком, позади хрустит разломанный ламинат. Теперь понятна дешевизна обделки – мы не в кабинете князя. Эта комната предназначена для поучительных мордобоев. А Стефан наблюдает за стеночкой, чтобы под раздачу не попасть.

Отец Аллы точно перечитал классиков. Устроил, понимаешь, медвежью комнату из «Дубровского». Только вместо бурого мишки на привязи два дуболома.

Вскочив, оплетаю громилу нитями. Пока он тужится, пытаюсь порвать тенета – с разножки пинаю в лобешник.

– У-И-И-И-И!

Похоже, мужик на завтраке проглотил сирену. С воем здоровья отбрасывает на остатки оконной рамы и сквозь осколки на свежий воздух. Выглядываю в развороченную дыру.

Парни в обнимку плавают в фонтанчике, разбив мраморных русалок. Эх, жалко скульптуры. Возвращаюсь в «медвежью комнату». Точными ударами разбиваю перегородку перед карманом и отбрасываю в сторону большой кусок гипсокартона.

– Какая встреча, Ваша Светлость! – усмехаюсь я. – А на меня тут напали ваши люди.

– Неужели? – фыркает князь без капли страха, перешагивая обломки стены. – Значит, их ждет увольнение.

Суровое наказание за проигрыш в драке.

– Да зачем? – удивляюсь. – Просто вычтете из их зарплаты ремонт окна, – пауза. – И фонтана.

– Выметайся из моего дома, – цедит сквозь зубы.

Стефан на всякий случай надел доспех.

– А как же проводить? – подхватываю светлейшего под локоть. – Вы же настаивали.

– Отцепись, – рычит.

Рывком дергаю будущего тестя вперед, за дверь. Откуда-то из коридора выстреливает огненный фонтан. Оранжевый, с ярко-красной сердцевинкой. Достается подача целиком

Стефану. С громким «охом» князь заваливается на стенку. Доспех Рыкаря, конечно, выдерживает, но приятного мало.

Так и знал, что веселье еще не окончено. Поставили запасного у дверей. Бросаюсь за порог и выглядываю горе-снайпера. Кмет стиля Агни уже высунулся на крик своего господина. На лице шок и испуг.

– Ваша Светлость, прост...эххх...

Врезаюсь в него плечом, завернутым в Бригантину. Он грохается на пол. Схватив за волосы одной рукой, другой с размаху долблю по лицу. Несколько быстрых хуков. Голова Кмета мотается взад-вперед, лязгают зубы. Когда доспех гаснет, не калечу – лишь легкой оплеухой вырубаю.

– Бес! – доносится мелодичный голос. – Почему ты бьешь Федота?

Поднимаю взгляд и вижу застывшую на ступеньках свою черноволосую девушку. Ошарашенные глаза Аллы большие, как у тянок в аниме. Над черными зрачками, как и под ними, виднеются белки.

Отпускаю волосы Кмета, и он оседает под ноги.

– Наказываю обидчика твоего отца, – заявляю, гордо выпятив грудь. – Целуй и благодари.

– Федот напал на отца?! – офигевает княжна.

– Сама спроси, – киваю на привалившего к косяку князя чуть дальше по коридору. – Эм, Ваша Светлость! Похоже, вам еще одного придется уволить! Хотя он окна вроде не ломал.

– Проваливай! – шипит Стефан, хватаясь за бок. – Сейчас же проваливай из моего дома!

Не обращая внимания на невежливое выпроваживание, поворачиваюсь к Алле.

– А тебя каким ветром занесло сюда, родная?

Княжна бледнеет, вдруг что-то поняв.

– Отец сказал срочно приехать и посмотреть на своего простолюдина, – ее лицо вытягивается. – Артем, что же выходит, отец хотел тебя избить? На моих глазах избить?

Она с трудом сдерживает слезы.

– Тише-тише, – притягиваю девушку к себе и утираю пальцем мокрые изящные ресницы. – Не избili же. Возьми себя в руки, княжна. Нельзя думать о всяком, когда родному отцу плохо. Твой долг помочь ему. Князю не помешает прилечь. Отведи его в спальню и будь с ним.

– Хорошо, – княжна кивает и вдруг улыбается. – Хорошо, что вы оба целы.

Ее рука быстро скользит по моему лицу. Затем она, не глядя вниз, перешагивает распластанного Федота, и бежит к отцу.

Я спешно спускаюсь по лестнице. Надо сматывать удочки, пока за мной не послали еще пару десятков Кметов.

До машины добираюсь без эксцессов. Видимо, Стефан решил, что хватит людей калечить. Или увольнять.

– Едем в лицей, – говорю водителю, оглядывая дорогу на признаки засады.

До нас никому нет дела. Автоматические ворота распахиваются чуть ли не за полкилометра. Словно охрана в будке жаждет побыстрее спровадить неугодного барину гостя.

Есть ли у Стефана официальная причина устраивать мне проблемы? Думаю, нет. Подстрелил князя свой же человек. Те громилы же мало того что первыми напали, так еще и живы остались. А вот если журналисты узнают о «благородном увеселении» князя – будет ему радость. Ведь явно комнату и раньше так использовали. Ремонт-фальшивка вводила приглашенных в заблуждение, а когда их запирали наедине с каменными лбами, становилось уже поздно. После разборки заново стелили ламинат, меняли развороченную мебель. Расходы минимальные, зато какая грандиозная шутка! Тьфу, забавы дворян уже поперек горла.

Жесть, конечно, на сколько всего я подписался. Личное дворянство, миллионы на счетах, чемпионат, еще и решил заделаться самым умным. Последнее вообще непонятно каким макарон выполнить.

По приезду в лицей сразу иду искать кружок местных ботанов. В учительской узнаю, что есть у нас, оказывается, клуб изобретателей. Они-то уже и подали заявку на конкурс технических достижений. Миловидная учительница физики поделилась, что перспективы у ребят неплохие. Здорово коли так. Даст Перун – не я, а который бог – что и делать ничего не придется, без меня вырывают на первое место. Нужно только к клубу прибиться.

Первое что бросается в глаза в клубе изобретателей – множество компьютеров. Пять столов ими завалены, системные блоки гудят, обрабатывая информацию. Прямо майнинг ферма.

На столе посредине комнаты лежит квадратик черной блестящей железяки. К нему подведено куча проводов от компьютеров. Датчики что ли.

– Это же мильфин? – спрашиваю в пустоту.

– Ага, – из-под одного компа выглядывает очкарик. Лицо в крошках, глаза заspanные, на щеке отметина от клавиатуры. – Ты к нам поспать пришел?

– Что? Нет! В клуб поступить!

– Ух ты! Уже второй новичок, – улыбается очкарик. – Обычно к нам ученики из других клубов поспать приходят. Прогульщики.

Мда, дисциплина явно хромает.

– Где остальные члены клуба? – строго.

– Спят, – зевает парень. – Всю ночь трудились над этим куском чугуна.

Он со злобой смотрит на мильфин. Похоже, без успеха трудились.

– А чего с ним делаете?

– Пытаемся делать, – морщится очкарик. – Синергетику. Популяционное движение.

Даже стыдно спрашивать, но пересиливаю себя.

– Что это значит?

Парень с удивлением смотрит. Приходится объяснить, что я не с его планеты зубрил и ботанов. Я из Страшного мира. Там высшая математика пригодится разве только, чтобы дрот Менгуса согнуть в виде интеграла и притянуть убегающего тираназа.

– Скажу честно, я не шарю. Вообще. Но я умею командовать, так что вам очень повезло.

– Звучит не очень, – чешет он лоб.

– Тебя как зовут?

– Виталий Осина.

– Артем Бесонов, можно просто Бес.

– Да, знаем, – кивает он. – Ходил на Летнюю арену на твоё сражение с Березовским.

Затем Витя объясняет, что за синергетику его клуб вытворяет с мильфином. Как известно, металл пропускает живую, и броню из него используют как составляющую техник. Но ребята посягнули на большее. Кардинальное изменение объекта – чтобы мильфин изменял структуру под воздействием техник. Становился мягким или твердым. Или перетекал из жидкой формы в эластичную. Одна печаль – дело пока дальше фантазии не продвинулось.

Так, задача понятна. Теперь осталось определиться с ресурсами. Спонсирует, конечно, лицей, но из Бородовых можно вытрясти и больше денег. Чтобы купить хотя бы килограммов сто мильфина. Для экспериментов и прочего. Озвучиваю вслух. От этих перспектив у Вити сразу загораются

глаза.

– А кто еще состоит в команде...то есть в клубе?

– Четверо нас, – признает очкарик. – Но новенькая такая же как ты – не шарит. Из любопытства пришла.

За спиной хлопает дверь.

– Привет, – слышу робкий голос. – О, Бес, а ты чего тут делаешь?

Оборачиваюсь и вижу Киру, подругу Кали. Розовую краску она смыла с волос и стала более симпатичной, на мой взгляд. А также более знакомой.

Вспышка озарения. Теперь без цветных волос я узнаю Киру. Судьба снова свела меня с ней – с девушкой, которую я спас от фанатиков в кротосвоских катакомбах. Единственную выжившую в бойне у черного жертвенника.

И теперь барабанная дробь. Тогда на медитации Кира кричала: «Сдохните, убийцы детей!» Могла она этого желать фанатикам? Могла помнить Страшный мир? Почему нет? Ведь я же помню.

– Есть разговор, – схватив за руку, увожу ее из компьютерного зала.

– Куда ты меня ведешь? – пищит она сзади.

Поворачиваем за угол. Идем прямо по коридору. Мелькают мимо распахнутые двери в какие-то комнаты. Завожу девушку в небольшую подсобку.

– Ай! – запинается она о высокий порог

Подхватываю в темноте и прижимаю спиной к стене.

– Нельзя же так сразу, – шепчет девушка, в то время как ее руки уже сжимают мои бицепсы. – Мы еще мало знакомы...

– Мало ли? – спрашиваю придвинувшись. – Разве мы не знаем друг друга намного больше, чем кажется? Разве наше с тобой существование возможно измерить временем?

Ее губы неожиданно сминают мои. Руки Киры вцепляются мне в плечи, горячие бедра прижимаются вплотную.

– Эй, ты чего творишь? – отстраняю ее. – Не рано целоваться? Даже не разговаривали нормально еще ни разу.

Кира хлопает глазами.

– Но... но ведь наше существование нельзя измерить временем. И вообще это ты меня в кладовку затащил.

Я поджимаю губы. Похоже, ошибся. Ни черта она не помнит.

– Кажется, мы не поняли друг друга.

– Кажется, – с печальным вздохом повторяет. – Я пойду?

– Ага, – отступаю в сторону.

Уже открыв дверь, она вдруг оборачивается.

– Знаешь, мне всегда хотелось сказать тебе спасибо.

– За что?

– Ты не вспомнишь, – улыбается она сама себе и делает шаг наружу. – Но вот я никогда не забуду. Поэтому спасибо тебе, демоник Перун.

Ее туфля не успевает коснуться пола, как я выдергиваю девушку обратно к себе. С пискom она вцепляется в мои плечи. Обхватываю ладонями ее скулы.

– Ты ошиблась – демоник Перун тебя вспомнил. – Задирать нежное лицо выше. – Так что одним "спасибо" не отделаешься, малышка.

Глава 5 – Станный мир со странными демонами

Потягиваюсь вверх и включаю свет. Мы стоим близко, моя рука оглаживает ее подбородок.

– Проси, что хочешь, Перун, – Кира поднимает голову, жадно вглядывается мне в лицо. – Благодаря тебе я прожила несколько счастливых лет, – ее глаза улыбаются. – Благодаря тебе у меня появилась любящая семья.

– Семья?

– Да, муж и дочка, – девушка решительно прикасается к моим губам своими. – Моя маленькая Мила родилась благодаря тебе.

Ее губы сладки. Несколько секунд позволяю себе вкушать награду спасителя. Заслужил ведь. Но как только с жадным стоном пытается углубить поцелуй, отстраняюсь.

– Это лишнее, – предотвращаю ненужную жертву. – Достаточно будет информации.

Плечи Киры поникают. Она с досадой отворачивает лицо.

Прости, красавица, но проблемы спермотоксикоза давно уже нет. Да и понимаю – этот вкусный плод не для меня. По крайней мере, сейчас обрывать его неправильно. Уже греет сердце одно то, что спасенная мной девушка обзавелась се-

мьей. Когда-нибудь возможно всё, но не так, не в расплату по мнимым счетам.

– Как ты оказалась здесь? – спрашиваю. – Как перенеслась из Страшного мира? Ты тоже умерла?

– Умерла? – удивляется. – Нет, я нянчила Милу в колыбельке, сплетенной из сосновых дранок, когда за окном началось это безумие.

– Расскажи подробнее.

– Был обычный день, жарко пекло солнышко... И вдруг – грянул гром, налетели тучи – черные и сверкающие, они, клубясь заполнили небо от края до края. Полыхнули молнии. Мила заплакала, я прижала дочку к груди. А потом белое сияние накрыло нашу хижину. И вот нет уже ни молний, ни грома, ни моей Милы, – она смаргивает слезы. – Мне почему-то опять шестнадцать, демоны исчезли, люди живут как в каком-то Средневековье. Одни кличут себя князьями и графьями, другие терпят название простолюдины. Никто не помнит Вторжение демонов. И еще – моя мама снова жива, – тихая улыбка теплится в ее влажных глазах. Только по соседству с радостью таится и большая скорбь.

Крепко прижимаю к себе девушку. Глажу по волосам, словно пытаюсь укрыть от ужаса женской доли. Даже не представляю, насколько больно лишиться ребенка.

– Когда это произошло?

– Около полутора месяца назад. – В то же время, что и у меня. – Помню, вначале в груди сильно обжигало. Шрам

пылал...

– Шрам?

Она отходит и, не стесняясь, расстегивает блузку. В нежном месте между грудью и животом, прямо под лифчиком гладкую кожу разрезает бугрящийся рубец. Осторожно прикасаюсь – девушка вздрагивает.

– Больно? – поднимаю взгляд.

– Нет, – выдыхает. – Просто ...у тебя пальцы холодные.

– Откуда рана?

– Те уроды в катакомбах успели царапнуть желтым кинжалом, прежде чем ты их сжег. Только шрам и остался от прошлого мира, – говорит Кира. – Но я даже рада. Всегда когда смотрю на него – вспоминаю тебя. Как ты спас меня...

В задумчивости чешу подбородок. Новый мир, новое тело – но шрам старый? Это как вообще понимать?

Нагнувшись, оглаживаю бархатную кожу рядом со шрамом. Скользнув вниз, трогаю мягкий пупок, торчащий над резинкой юбки – сразу же Кира учащенно дышит прямо мне в ухо.

– Перун, – тихо, умоляющим голосом.

– Ладно- ладно, – прекращаю ее щупать.

Шрам явно не обычный. Это какая-то энергометка на астральном теле Киры. Просто его отражение на физическом теле имеет воплощение рубца. Благодаря метке Кира и сохранила воспоминания о Страшном мире. Похоже, фанатики в катакомбах не просто косплеили чернокнижников Азе-

рота. Настоящую колдовскую муть творили. Мрази. Хм, учитывая, что Осколки есть и здесь, то кто-то может опять попытаться призвать неясного Ктулху.

Ладно, сейчас голова болит о совсем другом. Кира не умирала в Страшном мире, и я, возможно, тоже. Тогда, выходит, наши души не переносились в параллельную реальность с охреневшими боярами. Нет, мы всё там же. Просто, это сам мир изменился. Или же ему помогли измениться. Остается вопрос – почему тогда нам с Кирой шестнадцать?

А еще больше интересно, кто же этот нашкодивший засранец? Встречу – обязательно скажу пару ласковых.

Мой задумчивый взгляд падает на пыльное зеркало в углу, на отражение своего нахмуренного лица.

Нет, вообще он молодец, конечно, – мир от Орды избавил. Большое уважение от меня. Но не мог что ли демонов совсем под корень вывести? Какого Градгроба я должен за ним прибираться? Или его цель состояла в ином?

– Перун, – Кира скрещивает руки на груди, вдруг застеснявшись наготы. – Мне можно одеваться?

– Ага.

Пока она застегивается и разглаживает блузку, спрашиваю.

– А почему ты перекрасилась? – Отвожу с ее плеча пелену каштановых волос.

– Цветные прически – отврат, – заявляет девушка, покраснев. – Разве нет?

– Обычно – да. Но тебе шло. Жаль...

Смущенная Кира брякает:

– Перекрашусь обратно!

– С чего бы? – удивленно на нее смотрю.

Она растерянно смыкает губы.

– Смена жизненной парадигмы, – мычит.

– В моменте? – усмехаюсь. – Быстра!

– А так и происходит обычно, – вздергивает Кира подбородок. – Лежишь, бывает, голая в вонючей пещере, растянутая на полу, с жизнью прощаешься, а в следующий миг тебе дается второй шанс.

– Тебе виднее, – прищуриваюсь. – Лучше скажи, философ, зачем вступила в клуб инженеров? Мало Алмакаева вас гоняет? Времени полно?

– Хотела посмотреть, что они изучают, – она смотрит в пустоту, смаргивает вернувшиеся слезы. – Без демонов хорошо, конечно... Но мне необходимо узнать, можно ли как-то вернуть дочку.

Я беру девушку за плечи и смотрю в ее грустное лицо.

– Обещаю, что выясню причину перемены мира. В любом случае, теперь ты можешь заново встретить своего мужа и начать вместе с ним новую жизнь. Скорее всего, у вас родится Мила. Ведь мы же родились от наших родителей.

Рука Киры сжимает мою ладонь на ее плече.

– Да, видимо так, спасибо за надежду, – на нежном лице борются чувства, словно я ей предложил убить часть себя.

Отрезать собственную кисть или вырвать глаза. – Быть мне с другим. Опять.

Она хочет сказать что-то еще, но проглатывает слова, не решаясь. Мне самому становится тоскливо от ее грусти. Думал, она любит того удачливого, а оно вот оно как. Наклоняю голову – карие глаза девушки распахиваются. Мои губы накрывают ее сомкнутый рот. Нежный краткий поцелуй, и я отступаю.

– Не накручивай себя. Ведь у нас еще полно времени, – подмигиваю. – Тебе всего шестнадцать. Всегда есть другой выход.

– Хорошо, – ее глаза снова блестят, но не от слез, а от счастья.

Мы снова целуемся, чуть дольше, чуть раскованнее.

Затем я прощаюсь и выхожу в коридор. Некогда засиживаться. С каждым моим шагом вырастает новая долбаная куча дел. Раньше думал, что надо просто мир спасти. Ай нет – еще узнать, отчего он такой стал "боярский".

***

Дверь закрывается за Бесоновым.

– П-перун, – стоит Кира с красным лицом.

Медленно, раз за разом она проводит пальцем по горящим губам. Губам, которых коснулся ее спаситель.

Поцелуй не был жарким, пылким. Всего лишь легкое касание, будто бы к ней притронулся влажный бриз, а не гроза ада.

Сколько ночей напролет она, лежа с другим, вспоминала Перуна! Ей снилась его мощная фигура в износившейся одежде и сапогах, покрытых пылью подземелий. Грезились как наяву взъерошенные черные волосы, пропахшие озоном. Мерещился синий блеск молний, слетающих с его сильных рук.

Нет, она любила Костю, отца своей Милы. Но той ночью в подземелье, когда жизнь Киры чуть не отдали черному камню, она узнала, что существует вещь величественнее любви. Поклонение. Фанатики в рясах поклонялись выдуманному ужасу, убивали во имя собственного страха невинных детей. Кира же выбрала образ реальный и неистовый. Она поверила в своего Защитника. Теперь же ее сердце подчинено его воли еще сильнее. Мир изменился, но Перун, пускай даже в теле ребенка, всё тот же. Он по-прежнему помнит Киру. По-прежнему защищает ее. А она в благодарность верна ему.

***

Вернувшись в общажную комнату первым делом достаю ноут. Дагер уже прислал на почту издательский договор. Переотправляю Софии с просьбой показать юристам. Полюбому найдутся подводные камни. Заодно попросил купить центнер мильфина клубу инженеров.

Хорошо, что ранее уже накидал в артредакторе схемы направления живы при базовых медитациях. Думал уже над тем, чтобы их тиражировать. Наспех подправляю рисунки, пишу пару страниц пояснений. Пока хватит, позже доделаю.

Все равно книжка тонкая получится, за двести-то косарей.

Теперь займемся саморазвитием. Вот всё это время я парился, как бы вернуть фракталы. А если другим путем пойти? По проторенной местными каратеками дорожке? Ага, речь о живе, судари и сударыни. Лучшему не обязательно быть белой вороной. Почему не сделать дворян на их же собственном поле?

У меня нет «колодцев». Но зато в избытке многогранников, да и мозговитая «уроногасилка» по-прежнему со мной. Мм, переназову ее Гифер, а то как-то обидно за многофункциональный агрегат.

Действуем. Схема та же – ломаю фракталы, которые не жалко. Всякие «летуны», «рыгания огнем», «стреляющие жала». Накрываю разорванные элементы Гифером и, читая язык подсказывающих узоров, до самой ночи собираю свою замутку. Цель – получить Астральный драйвер. Эмулятор уже выходил, почему бы и не состряпать «программку», с помощью которой Гифер получит доступ к входным портам живы. То, что согласует их работу.

Жива пропитывает весь мир, нужно лишь уметь взять ее. А с этой бездной энергии возможно всё. Люди ограничены резервуаром и пропускной способностью «колодцев». Мне проще – могу попытаться вырыть яму поглубже и пошире.

Апгрейд готов. Я не стал заморачиваться воссозданием всех девяти «колодцев». На это ушло бы времени в разы больше. Обошелся большим литым энергетическим вмести-

лицем, такая вот суперчакра. Если разбить ее – потеряю контроль живой. Но в целом сойдет – на эксперименты с мильфином хватит.

Перехожу к собственным медитациям. Суперчакра уже прокачанная, развивать ее медитациями пока не требуется. Силой мысли наполняю резервуар живой и включаю ментальный доспех. Успех! Крепкая штука получилась. Пробую сбить его «толчками» – только с пятого выходит. Дальше перехожу к созданию техник Воина. Не терпится освоить «энергоруку».

Семь потов сходит, но удастся. В стене, правда, появляется с десяток вмятин. Хорошо, окно к соседям не пробил.

Приходит сообщение от Сербины:

«Помоги».

Приложен скрин геолокации. Звоню пернатой – не берет. Хм, возможна ловушка. Но номер телефона Сербины, значит, либо ее уже устранили, либо в процессе. Придётся торопиться.

Достаю из тумбочки заныканную балаклаву. Натянув черную маску, распахиваю окно. Уже смеркается, светят яркие звезды, луна не отстает, пытаюсь подражать солнцу. Еще мгновение – и за спиной распускаются крылья летучей обезьяны. Выпрыгиваю навстречу бледному свету. Ритмичные взмахи уносят меня в небо.

Территория лица позади. Внизу проносится наполненный сгущающимися тенями лес. Двадцать минут полета –

и начинаются нестройные шеренги низких построек. Город разрастается, устремляются к звездам высотки жилмассивов, дымят котельни, фабрики, заводы. Черные паутины проводов тянутся между электростолбами.

Громкие хлопки выстрелов разрывают монотонную суету города. Грохот очередей приближается, и вскоре меня оплетает дым взорванных автомобилей. Горящие остовы фургонов перекрывают перекресток с трех сторон. Из окон и с крыш стреляют снайперы, толком не целясь. Время прицельной стрельбы кончилось, теперь они пытаются достать цель беспорядочным огнем.

Посреди дороги дымится покрываемый шквалом пуль зашлон из «Кадиллака» и других американцев. Ищу взглядом среди расстрелянного металла сияние золотых кудрей.

Упав на землю, Сербина прячется за кузовом. Голова на асфальте, пышные ягодицы задраны вверх, причем в мою сторону – даже вижу, как юбка обтягивает выпуклости. Как будто пернатая чует меня. Ее телохранители отстреливаются из микро-узи – всего трое. Тело четвертого остывает в лимузине. Вовремя я заглянул.

Обстановка ясна как луна над головой. Пернатая ехала с деловой встречи и попала в засаду.

Быстро оцениваю ситуацию. Во-первых, огнем Сербину поливают из домов четыре снайпера и стрелки, спрятавшиеся за взорванным фургоном. Во-вторых, среди толпы нападавших нет ни одного Кмета. Выходит, обычных бандюганов

послали, и это странно.

Последние мысли додумываю, подлетая к первому снайперу. Прыг-скок бандюге на спину. Вскрикнув и выронив винтовку, он растягивается подо мной. Парень в доспехе, поэтому сначала угощаю тремя «толчками». Сбрасывается защита, и тогда не медля ломаю ударом ноги хребет. Смачный хруст через подошву отдается во всей ноге.

Поднимаю с пола винтовку. Тульская ОСВ – недурно, пойдет и против легкобронированной техники, как лимузин Сербины, например. Прицеливаюсь через оптический прицел в снайпера в окне дома напротив. Спускаю курок. В плечо толкает приклад, дуло изрыгает свинцовую смерть, а голова снайпера разлетается зрелым арбузом. Этот даже доспех не надел. Повезло.

Ну пошла-поехала. Еще два раза стреляю, еще два раза резво передергиваю затвор, выбрасывая гильзу. Больше не надеюсь на удачу – стреляю не по снайперам, а по винтовкам, разбивая их. Ни разу не промахиваюсь. Оружие их выведено из строя, значит, гоняться за стрелками нет смысла. Пора уносить нашу пернатую из-под обстрела.

Под прикрытием Бригантины спускаюсь к «Кадиллаку». Крылья мерно машут, благодаря Отводу пули бандюг со стрекотом проносятся мимо.

– Смотрю – ты, и правда, встала по-собачьи, – усмехаюсь выставленной заднице Сербины.

Движением руки накидываю на все ее прелести Бриганти-

ну. Секунду думаю – и заворачиваю ягодицы вторым слоем. Не помешает – слишком любит их выпячивать.

Двое телохранителей наставляют на меня стволы.

– Отставить, – велит их старшой, Редисочник вроде. – Это союзник.

– Ты пришел! – пернатая отрывает от асфальта растрепанную голову.

Подхожу к ней и успокаивающе тереблю светлые локоны. Щечки Сербинины розовеют.

– Выпрямись – я накрыл тебя бронебойной защитой. Но надо срочно уходить, пока не явилось нечто посильнее «калашей».

– О чем ты? – сопит Редисочник, недовольно поглядывая на мою руку, по-хозяйски перебирающую локоны его миледи. Двое его подчиненных пускают короткие очереди по бандитам у мусоровоза. Пули экономят, значит, уже почти пустые.

Автоматчики отвечают долгим огнем. Пули гремят по бронированному кузову лимузина.

– Вас уже сколько тут маринуют? – оглядываю развороченные окрестности. – Почти полчаса. С наскока Сербину прибить не получилось, и, по логике, налетчики должны были уже унести ноги. Толку-то пули переводить, надеясь, что случайная заденет?

– Ждали тебя, – доходит до Сербинины.

Вернее, Грозового дьявола. Секретное оружие Бородовых

итальянцам поперек горло. Но не факт, что и пернатая не является вторичной целью.

– Я уношу вашу леди, – за плечи притягиваю блондинку к себе. – А вы ждите жандармов либо сами добивайте бандитов.

– Р-р...ладно, – рычит Редисочник, но не спорит. Понимает старшой, что без моей Бригантины Сербину запросто могут подстрелить.

– Сербина, на ручки! – командую, и блондинка с улыбкой обнимает меня за шею.

Аромат ее духов обволакивает сладким облаком. Поднимаю пернатую, крепко взяв за мясистые бедра.

– Прижмись.

Чувствую, как сплющивается мягкая грудь блондинки. Резко взмываем вверх, чтоб как можно меньше глаз заметило наш отход. Редисочник прикрывает стрельбой. Грохот пальбы длится недолго, слышу, как впустую щелкает его пистолет-пулемет. Ну, ничего – доспех у него крепкий, отобьется.

Мы едва поднимаемся над крышами, как возле моего уха жужжит леска. Проволока выстреливает из окна и сплетает вместе крылья. Вот и полетали! Земля резко притягивает нас обратно.

– А-и-и-и! – кричит Сербина, вжавшись в меня.

Сбрасываю бесполезные крылья и с блондинкой на руках бахаюсь на парашут крыши. Точно на ноги. Бетон под ботин-

ками расходится трещинами. Отпускаю пернатую.

– Уходим! – за руку тяну Сербину на чердак.

Мы оказываемся на узкой лестнице. Бежим вниз, перепрыгивая ступеньки. Те, кто в нас стрелял, видели, куда мы приземлились. Значит, они уже в доме. Может прямо сейчас поднимаются навстречу. Надо спрятать Сербину в глубине здания, и выйти гадам навстречу. Эта леска – явно техника, только не помню похожего стиля. Даже Отвод не сработал.

На первой же лестничной площадке сворачиваю в коридор. Выбиваю ногой дверь. Хлипкая доска отлетает внутрь задрипанного офиса, состоящего из одной комнатухи.

– Жди здесь, – усаживаю Сербину в засаленное дешевое кресло.

Блондинка кивает. Она учащенно дышит, голубые глаза округлились от страха. Волосы золотым ореолом окутывают бледное лицо.

Выглядываю в окно. И чуть не присвистываю от удивления.

Таких демонов еще не видел, а я думал, что всех исчадий повидал.

Краснокожая тварь как раз заходит в подъезд. Мускулистая, выше человека. Руки длинные и перевитые мышцами, кулаки при ходьбе почти касаются земли. Да и кулаки не кулаки вовсе, а красные, обвитые багровыми венами молоты. Самое странное – на демоне одежда. Боевая экипировка черного цвета. И лыжная маска. Чертовщина!

– Привет, красавчик, – вниз головой перед окном свешивается женщина.

Мгновение она улыбается мне. Хищное лицо, немного раскосые большие зеленые глаза. Невероятная гибкость тела. Она облачена в точно такую же черную экипировку, что и странный демон внизу.

Мгновение проходит, и я отскакиваю назад, выстреливая вперед паутинкой. Звон разбитого стекла наполняет комнату.

Не теряя улыбки, женщина легко уворачивается от лесок. Ее атлетичное длинное тело проскальзывает внутрь офиса и принимает боевую стойку.

Мы застываем друг против друга. Наши взгляды опять скрещиваются. Навешанный ее глазами ступор пытается меня сковать – поведя плечами, я сбрасываю технику чаровницы.

– Не вышло, – понимает она и облизывается. – Давай тогда по-жесткому.

Ее лицо вдруг заостряется и покрывается густой сеткой черных вен. Кожа чернеет, белки глаз окрашиваются в кроваво-красный цвет. Мышцы раздуваются, эластичная экипировка подстраивается под растущее тело, женщина становится больше и выше. Да и это уже не женщина никакая, а демонюка неясного вида. Гибкая, мускулистая, с жуткими когтями на пальцах.

– Ну спасибо, – выдыхаю я с облегчением, оглядывая тварину. – А то уже переживал, что придется сударыню бить.

Глава 6 – На каждый танк найдется свой фугас

– Такой юный, – оглядывает женщина-демоница мое худое тело. – Прямо чувствую себя распутницей.

Немного выпадаю в осадок от того, что монструга говорит на правильном английском, а не на языке ада.

– Не переоценивай себя, – хмыкаю я. – Ты максимум на троечку. С отрицательным знаком.

Черное в венах лицо насупливается. Со змеиным изяществом она вынимает из-за пояса кинжал.

– Оскорблять леди – этому в русских школах учат?

– И не только оскорблять, – усмехаюсь весь настороже.

Бледно-желтое лезвие тихо сияет в лунном свете. От оружия исходят эманации разрушительной энергии.

– Осторожно! – предупреждает Сербина, сжавшись в кресле. – Клинок вымеса иссушает плоть!

А пернатая, похоже, в курсе, что за сюр кругом творится.

Пытаюсь снова спеленать ведьму паутиной. С нечеловеческой гибкостью она ускользает, выгнувшись как в «Матрице». На фоне луны очерчиваются горообразные груди под черной тканью экипировки. Миг – и ведьма уже рядом разит кинжалом.

Отбиваю локтем клинок. Чувствую шипение Бригантины. Гифер не может настроить защиту под непонятный тип энергии. Накрываю сверху ментальным доспехом. Благо теперь я практически Воин. Одновременно шарахаю «энергорукой» по черному хищному лицу. Голова ведьмы дергается, акульи зубы ощериваются в безумной гримасе.

Только заносу ногу для удара, как лодыжку оплетает черная веревка. Точно такая же мне крылья скрутила над крышами. На конце веревки болтается маленькая клыкастая голова. Шипя, змея ползет по голени вверх.

– Откуда ее принесло? – офигеваю. – Где-то поблизости проветривают террариум?

– Фамильяр! – восклицает мое блондинистое бюро по дарк-хрени. – Плетевидная оболочка части души вымеса.

Симпатичная душа у этой ведьмы, ничего не скажешь. «Энергорукой» сбрасываю змею и наступаю на тихо хрустевшую голову.

Ведьма уже оклемалась от ментального хука. Приближаюсь к ней, целя удар между сиськогорами.

Но тут за моей спиной с грохотом обваливается стена. Вскрикивает Сербина, закрывая ладонями лицо от обломков. В разные стороны, словно осколки картечной гранаты, летят куски штукатурки, мелкие камни и обломки бетона. Треск ломающихся стен пробирает аж до нутра.

При всей ловкости Мурки я только успеваю обернуться. Меня сбивает огромная красная махина в черных лохмо-

тнях. Кулаки-молоты врезаются прямо в грудак. Прощально мигнув, гаснет доспех. Бригантина под ним выдерживает остаточную силу удара. Но мое тело, словно ураганом, вышвыривает в разбитое окно.

Крылья летучей обезьяны мигнов раскрываются за спиной, и я зависаю в воздухе напротив пролома. Снизу раздаются редкие гулы от выстрелов. Редисочник еще резвится с налетчиками.

Парочка монстро-людей встает передо мной. Нас разделяют три метра пустоты, разбавленной светом из окон на нижних этажах. Оценивая расстояние, красный бугай зависает, пуская слюну из пасти, загроможденной кривыми клыками. Черномордая ведьма хватает Сербину за волосы и бросает на колени перед собой. Когтистая лапа наматывает золотые пряди, желтый клинок кинжала приближается к нежной шее пернатой. Блондинка всхлипывает, умоляюще глядя на меня.

– Уходил бы ты, малыш, – ухмыляется ведьма. – Сбегай лучше позови Грозового дьявола, иначе этому ангелочку лежать со вскрытым горлом.

Я парю на месте, кожистые крылья мерно хлопают в чередующихся полосах света и тени. Мои кулаки чешутся, прося настоящего испытания. Умоляя испробовать, насколько крепка шкура неизведанного противника. Кровь стучит в висках и жаркой волной обдаёт сердце. Нет, не время для поединков. Сербина может пострадать.

– Недоросли вы до Грозового дьявола, – ухмыляюсь. – И.УЖЕ. НЕДОРАСТЕТЕ.

Под ударом псих-волны оба вздрагивают. Красная мускулистая тварь потревожено бурчит, у ведьмы дергается вверх рука с кинжалом. Желтый клинок натывается на Бригантину пернатой, и проскользнув по защите, пробивает ее над золотыми локонами блондинки. В несколько секунд энергия демонской стали иссушает светлые пряди. Копна прекрасных волос превращается в пепел, и Сербина оказывается полностью лысой.

– И-У-А-А-А-А! – с диким воем пернатая щупает свой лысый скальп.

Мда, вот оно какое, чертовское оружие. В армии пригодились бы стричь новобранцев.

Бью в гадов еще Якой. Сам одновременно налетаю на молоторукого. Нырок под замах, удар левой в печень, тычок локтем правой по ребрам. Пошатнувшись, громила охает, но не колеблясь опускает мне на голову свою увитую венами кулачину размером с пеноблок. Сощуриваю глаза в ожидании звона в черепе – и ничего не происходит. Удар уносится в сторону, лишь волна ветра ошпаривает щеку.

– Шартер! – рычит громила. – Ты чего творишь?! Сдурела!

Рывком он сдирает с бицепса извивающуюся черную змею.

– Я не знаю, – в шоке мелет озадаченная собственной вы-

ходкой ведьма. – Почему-то мне не хочется его смерти... Со-
всем наоборот, – ее оскаленная морда смущенно розовеет. –
А вдруг у него под маской симпатичное лицо, чтобы разби-
вать? Лучше просто переломай ему ноги.

– Что?! – услышав от напарницы чушь несусветную, мо-
лоторукий теряется.

Чем я и пользуюсь. Корпус у громилы непробиваемый, по-
этому с подскока луплю костяшками по клыкастой морде. От
мощного хука голова на толстой бычьей шее даже не дерга-
ется. Зато кирпич нижней челюсти съезжает вбок, с хрустом
ломаются зубы. Монстр заваливается назад, схвативший за
криво торчащие передние клыки.

Не теряя времени, ошпариваю Шартер новой псих-вол-
ной:

– ОТОШЛА. ОТ. НЕЕ. ДРЯНЬ.

Громко задышав, Шартер отшатывается. Холмообразные
груды ходят волнами, акульки клыки прокусывают нижнюю
губы до крови. В красных глазах пляшет блеск возбуждения
вперемешку со страхом. Шлюхоход-Генерал и ее тоже до-
стал.

Хватаю Серебину поперек тела и единым махом переки-
дываю пернатую себе на плечо. Лысая голова ударяет меня
по спине.

– Я порву тебя и... трахну, – шипит ведьма, трясая черной
копной волос в попытке справиться с лавиной противоречи-
вых чувств. – Нет, сначала трахну, потом порву. Эй, ты куда!

Последнее предложение звучит даже жалобно. Но
экскъзьми

, я уже выпорхнул в окно. Встречный ветер бьет в лицо, пышная задница Сербины трепыхается на плече, крылья машут часто-часто, как у колибри, набирая скорость... Ай, нет, долбаная ведьма опять их скрутила. На чертовых змей мой Отвод не действует, так как это не одушевленный свинец, а живые твари. Короче, мы падаем прямо на трассу. Прямо на подмигивающие нам красным задние огни. Крик Сербины смешивается с воем ветра.

Выпускаю паутинку. Концы лесок обматывают перила эстакады и мы повисаем под мостом. Внизу проносится кабриолет с тусящими девчонками в топлес. Пьяные визг и смех. Музыкальные колонки изрыгают попсу. Раз патрули не остановили, значит, чьи-то дочки. Русский блат – великая сила. Подбуханные девки задирают подбородки, тряся сиськами и оплескивая полуголые тела шампанским.

– Ух ты ж!

– Походу мы пережрали, подружки!

– Ага, ну ничего, щас два пальца в рот – и по-новой.

– Карлсон, давай к нам!

Идея быть обрызганным алкашкой и обтертым мокрыми грудями меня как-то не прельщает. Но пернатую девчонкам скидываю – на заднее сиденье, точнехонько между двух

пьянчужек. Чему те радуются.

– Вау, подарок! – хлопает в ладошки одна. – А чего ты лысая, дочка Нагиева?

– А ей идет! – другая гладит по макушке оторопелую Сербину.

Тачка уносится в серые ночные сумерки, а я спрыгиваю на двойную сплошную между двумя потоками. Водители жмут на гудки, крутят пальцами у висков. Какой-то таджик матом кроет, угрожает «зарезу». Не обращаю внимания. Львам должно быть плевать на собачий галдеж.

Балласт в виде пернатой сбегрен. Сейчас найду и навалю тем недодемонам неясным. Одного прикончу, другого живьем схвачу, чтобы поспрашивать.

Сбоку мелькает черный росчерк. Резко уклоняюсь от летящей в лицо змеи. Оборачиваюсь – через трассу несется молоторукий. Вывихнутая нижняя челюсть торчит в сторону, в багровых глазах горит бешенство. Машины с визгом останавливаются перед ним, от вида красного монстра водители вжимаются в кресла, протирают глаза, но нет, им не чудится.

Кидаюсь навстречу гиганту, тот на радостях, что не убегаю, пытается меня прихлопнуть. Ускользаю в сторону и быстро отхожу спиной назад. На красную рожу молоторукого падает свет фар.

Гу-у-у-у-у-у-у!

Предупредительный гудок зычно оглашает окрестности, но поздно – ревя двигателем, не успевший затормозить тя-

желовоз врезается в недодемона. Тот вцепляется обеими руками в капот, горы мускул напрягаются, и фура останавливается. От удара кузов спереди сминается, машина кряхтит, водителя не видно за раздувшимися подушками безопасности. Силен чертила!

Только красный довольно выдыхает, еще не разжав разломанный металл – как налетаю я. Сжимаю его лицо обеими руками – и пускаю две паутинки под тяжелый лоб. Крючья лесок пронзают глазницы и входят в мозг. Коротко взыв, громила валится на асфальт столетним дубом. Минус фраг.

А мне в лицо уже летит очередная змейка. Резво приседаю, пресмыкающееся с разочарованным шипением пролетает над головой.

– Даже если у тебя, правда, хорошенькое лицо – тебе конец.

Между машин скользит Шартер, гибкая словно кошка. Ведьма неотрывно смотрит на меня, в кровавых глазах плещется коктейль ненависти и желания. Представляю себя в постели с этой стройной монстряшкой, и меня передергивает. Воротит от демонов, уж извините.

– Извини, – усмехаюсь. – Как бы ни хотелось, но я не намерен тебя убивать.

– Правда? – ведьма облизывается красным раздвоенным языком.

– Ага, мне нужен «язык».

Она облизывается еще раз – дольше, медленней.

– Э-э... в смысле пленный.

Она обиженно угрюмится.

– Тебе конец.

Пригнувшись под броском очередной змеей, бросаюсь на ведьму. Мои руки рассекают пустоту. Под ногами раздается шипение, и меня что-то дергает за ногу. Чертовая змея. Распластываюсь лицом вниз. Лезвие ножа скользит мне вдоль шеи, продавливая Бригантину на горле. Но под ней уже снова мерцает доспех. Несколько ударов он выдержит.

Шартер уже оседлала мне, чувствую ее колено, упирающееся в спину, слышу громкое возбужденное дыхание.

– Дорогой, чувствуешь это? – шипит ведьма, тыкая в меня кинжалом, как сумасшедшая. – Чувствуешь как мне хорошо? О, да!

Хрипя, перекатываюсь и хватаю за шею долбанутую на всю голову. Душу гадину. Она пытается бить коленями, молотить кулаками, но я придавливаю своим телом, и у Шартер не получается размахнуться. Мы рычим, деремся, и хрипим друг другу в лицо, как животные. Несколько сантиметров разделяет наши лица. Точнее мое лицо и ее щерящуюся морду.

Сверху раздаются жужжание вертолетных лопастей. Наверняка, полиция. Надо торопиться.

Бахаю ведьму еще Якой:

– ПОДЧИНЯЙСЯ.

Ее сопротивление тут же ослабляет, в глазах бешенство

сменяет страх. Пока она не оклемалась, бью коленом в бок, так чтобы дыхание схватило. Взяв за крутое бедро и плечо, приподнимаю над полом и швыряю на асфальт. Хук сверху по оскаленной морде – ведьма вырубается. Полминуты проходит – тело ее уменьшается, лицо сглаживается и становится человеческим. Больше нет черной кожи и разбухших вен, как и акульих клыков.

Взваливаю полегчавшее тело ведьмы себе на плечо. И вприпрыжку сигаю в переулки между домами. Спустя полдесятка кварталов, звоню Сербине:

– Геолокацию скинул. Со мной та бестия, что тебя постригла. Подбери.

– Д-да! – радуется пернатая. Интересно, чему? Что я жив? Или что обидчица к ней руки попадет?

Когда к подворотне прикатывает «хаммер», вместе с Редисочником наружу выходит Сербина в розовом платке на голову. В ее руке блестит черный пистолет. Она наводит ствол на приваленную к стене Шартер.

– Эй, ты чего творишь?! – заслоняю я ведьму.

– Убиваю суку! – рычит безгрешный ангел. – Отойди, Артём!

– Щас я тебе отойду, – выхватываю пистолет. – Она – моя пленная, ясно? Если не можешь держать себя в руках – вали отсюда. Позвоню другим.

– Подожди, – берет она меня за руку. – Я поняла. Прости. Мгновение смотрю в ее голубые глаза, затем прижимаю

пернатую к груди. Сербина послушно подается ко мне всем телом. Глядя на нас, Редисочник у машины пыхтит как еж, глотающий кактус.

– И без волос ты такая же секси, – шепчу Сербине в ушко.

– Спасибо, – слезы благодарности блестят в ее глазах.

Ох, уж эти женщины. Без осознания собственной красоты жить не могут. Возможно, так они чувствуют себя защищенные.

По взмаху руки Сербины Редисочник достает из багажника цепи из морина. Этот дорогуший метал при соприкосновении с кожей блокирует живу. Как сказала пернатая, энергию мортидо тоже.

Связываем Шартер и закидываем ведьму в багажник. Пока едем в тайную базу Сербины за городом, я уже не выдерживаю:

– Что вообще за мортидо? Что за вымеси такие? Люди они или демоны, которые мимикрируют под нас?

Сдергиваю со спотевшего лица балаклаву. Сербина бочком придвигается ближе. Поглаживая мою руку на колене, объясняет:

– Вымеси – люди, очень знатные европейцы. Многие лорды Великобритании тайно отреклись от живы, чтобы принять энергию хаоса из рук инферно.

– Зачем?! – новость меня выбешивает. – Они что, дебилы?!

– Инферно умеют представлять в нужном свете. Сладкими

речами они сманили падких на славу дворян обещанием даровать огромную силу. И отчасти выполнили обещание.

– Везде пролезли, – рык вырывается из моего горла. – Что это за энергия хаоса? Как она работает?

– Мортидо извращает человеческую природу, – Сербина кладет голову мне на плечо, ее рука как бы невзначай касается моего бедра. – Дарует сверхспособности, всегда разные и непредсказуемые. Но взамен мортидо постепенно уничтожает в человеке добро. Все черные вымыслы самодовольны, страдают манией величия и считают себя выше других. Радостям чистой любви они предпочитают извращения.

– Бдсмщики долбаные, – никак не успокоюсь. – Ну откуда взялась эта мортидо в нашем мире?

– Она всегда была. Когда создают непробиваемый щит – сразу же находится меч, способный его пронзить, – отвечает Сербина, касаясь губами моей щеки. – Раз появилась жива, энергия порядка, – то должна быть и мортидо, энергия хаоса.

Логично. На любой тяжелый танк отыщется фугасный боеприпас. На любого гиганта-авианосца можно соорудить юркую подводную лодку. Некий могущественный кент изменил мир, убрал из него Орду и добавил живу. Но всё не могло быть идеально – и в противовес самовозникла эта мортидо. Или кент создал и мортидо тоже? Если так, пару ласковых все же надо ему сказать.

Приезжаем на спрятанную в лесу базу. Небольшой склад под охраной десятка Кметов. В главном трехэтажном здании

для Шартер находится комнатка со всеми удобствами. Койка, ведро для хождения по нужде. Окно закрыто решеткой.

Вдвоем с Редисочником переносим длинноногую пленницу на застеленную койку. Затем прошу оставить меня с ней наедине.

– Подъем, леди, – хлопаю ведьму по бледной щеке.

Еще несколько попыток – и в награду мне за терпение распахиваются мутные зеленые глаза.

– Ты... – шепчет женщина пересохшим ртом.

Присев на край койки, подаю ей кружку с водой.

– Я. Пей.

Недоверчивый взгляд.

– Ой, – фыркаю, – Какой смысл тебя травить, когда ты связана по рукам и ногам?

– пытки, – заявляет она. – Отрава, что иссушит плоть и выжжет глаза.

– Неслабые страсти рассказываешь, – чувствую, как брови поднимаются. – И кто же таким дерьмом занимался?

– Я, – с вызовом смотрит.

– Ну и дура бешеная, – делаю вердикт, не убирая кружку. – Пей.

Еще один недоверчивый взгляд, но все же пригубливает край кружки. Правда, немного. Катает воду языком, увлажняя рот.

– Ты ведь и есть

он

? – сощуривает глаза. – Грозовой дьявол? Да?

– Спрашиваю здесь я.

– Да, – кивает своим мыслям ведьма. Она пододвигается ко мне, смотрит умоляюще снизу вверх. – Мы...мы можем быть с тобой на одной стороне.

– Не можем, – отрезаю.

– Ты силен, и как всякий сильный, жаждешь еще больше силы, – женщина пытается коснуться меня связанной рукой. – Я сама такая.

– Допустим.

Я не отодвигаюсь, и ей удается. Радостный румянец вспыхивает на бледных щеках.

– Возвышенный дарует тебе то, что ты ищешь. Много силы, много власти, – она облизывается, жадно ища проявления моих эмоций. – Поверь мне.

Мое лицо равнодушное.

– Возвышенный – это inferно?

– Он – изгнанный ангел, который открыл силу Хаоса.

Ась? Ангел? Собрат Сербини? Вот так новость!

Мое ошеломление Шартер воспринимает себе в угодую.

– Хаос неисчерпаем, нужно лишь выполнять волю Возвышенного.

– Я никому не подчиняюсь, – хлопаю второй рукой по ее длинным пальцам. – Уж прости.

– Это только вначале! – вскрикивает поспешно ведьма. – Пока Возвышенный не передаст тебе ключи от силы, а потом...потом мы с тобой можем его убить. Ты, я и бездна силы Хаоса. И больше никого. Забрать всю власть себе, стать королями Англии, императорами России, а потом правителями всего мира! Разве не прекрасно...дорогой?

В ее зеленых глазах плещется пламя обещания. В Страшном мире я встречал подобных Шартер безжалостных женщин. Их не смущает дорога, проложенная по трупам. Пусть пылают города, пусть растет число вдов и сирот. Лишь бы в руках у этих женщин оставалась власть.

Те деспотичные социопатки тоже предлагали мне разделить трон и постель. Я отказывался. Иногда словами, иногда кровавым росчерком Громовых когтей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.